

RUDOLF STEINER

MYSTERIENSTÄTTEN DES
MITTELALTERS

Rosenkreuzertum und modernes
Einweihungsprinzip

GA 233 a

РУДОЛЬФ
ШТАЙНЕР

Розенкрейцерство и принцип Посвящения

*Шесть лекций,
в Дорнахе*

прочитанных

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH/SCHWEIZ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ

с 4 по 13 января 1924 года

ПСС. Том 233 а

Перевод с немецкого Соломона Шнитцера

2006

УДК

1/14 ББК 86.42

Ш87

Штайнер Рудольф

Средневековые центры Мистерий/ Пер. с нем. С. Шнитцера —
Ереван: Лонгин, 2006. — 160 с.

Тема предлагаемого цикла лекций — особенности эзотерического ученичества и принципы посвящения, практиковавшиеся в различных мистериальных центрах в Средние века. Большое место в нем уделяется истории образования общества розенкрейцеров, его связи с трансформацией материалистического естествознания и с современным посвящением. чья объективная направленность ставится в противоположность субъективному характеру посвящения в древние времена. В лекциях также рассматриваются эволюция представлений о духовных иерархиях и материалистическая концепция строения Солнечной системы, дается подробное объяснение процесса записи и чтения в астральном свете — в том числе на современной стадии эволюции человечества. Рассказывается о тайных учениях XVIII и XIX столетий и о тайных фигурах розенкрейцеров.

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры Жана Фуке «Мученичество св. Андрея» (1455) из «Часослова Этьена Шевалье»

Оригинал этой книги опубликован на немецком языке под названием *Mysterienstätten des Mittelalters (Rosenkreuzertum und modernes Einweihungsprinzip)* в издательстве Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz) как том 233а в Собрании трудов Рудольфа Штайнера (Rudolf Steiner Gesamtausgabe). Публикация данного перевода согласована с Управлением наследием Рудольфа Штайнера (Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung, Dornach)

1991

ISBN 99941-984-0-8

Гратаракчутюн, 2006

© Rudolf Steiner

Nachlassverwaltung,

© ЛОНГИН

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо
предисловия.....8

Средневековые мистериальные центры.

Первая лекция, 4 января 1924
года.....11

В IX—X столетиях исследования мирового развития еще основывались на понимании Иерархий, Первая Иерархия и сатурническое бытие — Тепло. Вторая Иерархия и солнечное развитие — Свет и Воздух. Третья Иерархия и лунное развитие — возникновение и сущность цвета. Четвертая Иерархия, изначальный человек и Земля — возникновение Жизни, твердого, душевного переживания. Выхолощенность современного мировоззрения.

Вторая лекция, 5 января 1924
года 18

Фрагменты мистериального обучения в XII столетии: связь между постижением духовного откровения на вершине горы и проникновением в природные законы в земных глубинах может вести к мудрости и самопознанию человека. Раймунд Луллий и его отношение к Мировому Слову. Начало розенкрейцерского обучения.

Третья лекция, 6 января 1924
года 25

Характер духовного откровения в позднем Средневековье. Розенкрейцерское братство познания. Символическое откровение и его истолкование; сомнения, возникающие по мере распространения познаний. Элемент опасения при познании. Раймунд из Сабунды и Пико делла Мирандола. Принесение в жертву высшего познания и импульс свободы. Душевная мудрость отдельных людей в предыдущие эпохи вплоть до XIX века.

Четвертая лекция, 11 января 1924
года 31

Учение об интеллигенции и демоне планет; Агриппа Неттесгеймский. Изначальный человек как солнечное существо и интеллигенция планеты Земля. Связь человека с земной материей. Изменение соотношений между Солнцем и Землей; импульс Христа. Фауст и дух Земли. Розенкрейцерское учение об истинных соотношениях систем Птолемея и Коперника. Неудовлетворённость человека нового времени. Начало эпохи Михаила.

Пятая лекция, 12 января 1924
года 37

Понимание символических форм через переживание строения костей и внутреннего костной системы в духрвнонаучной школе, существовавшей вплоть до XIX века. Строение позвоночника и мозга: их связь с Солнцем и Луной: отображение Солнца и Луны в органе зрения и в органе обоняния. Орган в области корня носа. Познание сущности материального при помощи органа в области корня носа и познание сущности формы через переживание внутреннего костей. Учение Аристотеля о восприятии материи и формы в минералах, растениях, животном и человеке.

Шестая лекция, 13 января 1924
года.....44

Субъективный характер древнего посвящения: извлекается заложенное богами в состав человека; противодействие элементов и запись в астральный свет. Астральный свет как эволюционная память человечества. Распыление современной жизни идей в тепловом эфире. Христиан Р'озенкрейц и трансформация материалистического естествознания. Объективная направленность современного посвящения: умение читать вписанное в астральном свете предыдущими эпохами. О существе Михаила.

Примечания.....
.....52

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(Из лекции Р. Штайнера от 1 января 1924 года,
прочитанной в Дорнахе)

Когда мы сегодня взираем на мир, нашему взору предстают последствия работы множества разрушительных сил. Уже на протяжении ряда лет их действие таково, что можно только догадываться, в какую пропасть катится западная цивилизация. Но хочется при этом сказать следующее: когда мы смотрим на людей, которые во внешней жизни осуществляют духовное руководство различными ее областями, то замечаем, что они повсеместно погружены в глубочайший сон. Возможно, совсем недавно большинство из них мыслило так: вплоть до XIX века человечество по своим взглядам и воззрениям было по-детски примитивно. Затем в самые разные сферы жизни пришла новейшая наука, и уж теперь она на веки вечные будет претендовать на обладание истиной.

Люди, уверенные, что знают истину, чудовищно высокомерны, хотя и не подозревают об этом. Но в современном человечестве в противовес этому все же просыпается иногда подозрение, что дело обстоит отнюдь не так, как это представляется большинству.

В последние десятилетия духовные наблюдения над некоторыми личностями вызвали горькое чувство тревоги за судьбы земного человечества уже в ближайшем будущем. Можно было в духе как бы обозревать этих людей, наблюдая, как они во сне оставляют свои физическое и эфирное тела и пребывают со своим «Я» и астральным телом в духовном мире. Прослеживать судьбы «Я» и астральных тел спящих людей в последние десятилетия — переживание, налагающее тяжелую ответственность наблюдающего. Души, которые покидают свое физическое и эфирное тела во время сна, все чаще предстают перед Стражем Порога.

Этот Страж Порога — порога в духовный мир — предстал перед человеческим сознанием на протяжении развития человечества многообразнейшими способами. В древности о важнейших вещах повествовали легенды и саги, а не исторические предания; так вот, многочисленные легенды и саги описывали, как в древние времена та или иная личность встречалась со Стражем Порога и получала от него наставления, как ей надлежит вступить в духовный мир и как вернуться в мир физический. Ибо правильному вступлению в духовный мир всегда должна сопутствовать возможность возвращения в любой момент в мир физический — затем, чтобы стоять в нем твердо на ногах, как это свойственно практичному, рассудительному человеку, а не мечтателю или мечтательному мистика.

Подобных наставлений ждали от Стража Порога на протяжении всех тысячелетних устремлений людей в духовный мир. Но начиная с последней трети XIX века крайне редко можно было увидеть человека, который достиг бы Стража Порога и при этом сохранил бодрствующее состояние сознания. В наше время, когда на все человечество исторически наложена обязанность в любом случае пройти мимо Стража Порога, еще

чаще, чем прежде, странствуя по духовному миру, можно обнаружить, как к Стражу Порога приступают именно спящие души в виде «Я» и астрального тела. Вот впечатляющая картина, которую можно сегодня наблюдать: суровый Страж Порога, вокруг которого собрались группы спящих человеческих душ, не имеющих сил прийти к нему в состоянии бодрствования и поэтому приходящих во сне.

Глядя на это, приходишь к мысли о великой ответственности. Те души, которые достигают Стража Порога в состоянии сна, требуют доступа в духовный мир, перехода через Порог именно в этом состоянии. (В состоянии бодрствования это происходит неосознанно или подсознательно.) И бесчисленное количество раз слышится голос этого сурового Стража Порога: «Ты не можешь получить доступа в духовный мир. Ты должен вернуться назад». Предоставь Страж Порога подобным душам беспрепятственный доступ в духовный мир, они перешли бы Порог и вступили в духовный мир с теми понятиями, которыми их снабдили современная школа, современное воспитание, современная цивилизация, — с теми понятиями и идеями, с которыми человек ныне вынужден жить, начиная с шестилетнего возраста и, по сути, вплоть до конца своей земной жизни.

Эти понятия и идеи обладают такой особенностью, что если человек вступит с ними в духовный мир таким, каким он стал под влиянием современной цивилизации и школы, он окажется парализованным на уровне души, и его возвращение в физический мир будет тогда неотделимо от мыслительной и идейной опустошенности. Если бы Страж Порога не закрывал самым строгим образом путь душам весьма многих современных людей, допусти он эти души в духовный мир, по возвращении в бодрственное состояние они испытали бы такое чувство, что не в состоянии мыслить, их мысли не имеют соприкосновения с мозгом, и они вынуждены жить без мыслей. Таков мир абстрактных идей, которые человек привязывает ко всему в действительной жизни: с ними можно войти в духовный мир, но выйти из него невозможно. И когда видишь это событие, которое многие души сегодня действительно переживают во сне, то говоришь себе: о, если бы только удалось оградить эти души от того, чтобы пережитое во сне не повторилось и во время смерти! Ибо если бы такое предстояние перед лицом Стража Порога продолжалось достаточно долго — то есть если бы человеческая цивилизация долго пребывала в том, что сегодня изучают в школах и проносят через жизнь в качестве накопленного достояния, то сон претворился в явь. Человеческие души входили бы через врата смерти в духовный мир, но уже не могли бы перенести в следующую земную жизнь силу идей. Ибо с сегодняшними мыслями можно войти в духовный мир, но с ними нельзя вновь из него выйти. Вновь выйти можно, лишь испытав паралич души.

Обратите внимание на то, что современная цивилизация может быть обоснована и оправдана с помощью той формы духовной жизни, которая привычно культивируется уже столь долго, но жизнь не приемлет подобных оправданий. Эта цивилизация сможет просуществовать еще некоторое время. Души ничего не будут знать о Страже Порога во время бодрствования, а во время сна они будут этим Стражем отброшены, чтобы

вообще не подвергнуться параличу души; и в конце концов в будущем появится на свет порода людей, которые не смогут применять в земной жизни никаких идей, так что на Земле прекратится мышление, жизнь в идеях. Наша планета будет заселена больной породой людей, обладающих только инстинктами. Развитие человечества, лишившись направляющей силы идей, окажется во власти низших чувств и эмоций. Да, печальная картина, предстающая перед духовным взором наблюдателя, и это не только образ души, стоящей перед Стражем Порога, которой запрещен вход в духовный мир: эта картина имеет еще и другой аспект.

Если мы во время странствий по духовному миру, наблюдая души спящих людей пред Стражем Порога, встретим человеческое существо, которое имеет корни не в западной, а в восточной цивилизации, — если случится такое, тогда в духе мы услышим его слова, брошенные как страшный укор в адрес западной цивилизации: смотрите, если так будет продолжаться и впредь, то наступит время, когда ныне живущие люди появятся на Земле в новых инкарнациях — но сама Земля уже придет в варварское состояние. Люди будут жить без идей, только инстинктивной жизнью. Вот что вас ожидает, ибо вы отпали от древней духовности Востока.

Не следует здесь произносить дидактических тирад по поводу ущербности теорий современной науки: мы ведь сосредоточились на положении, в котором оказывается человек перед Стражем Порога благодаря этим теориям и их подаче в обычной школе. Если во время этих собраний мы примем все сказанное всерьез (имея в виду собственную душу), то это Рождественское собрание станет для наших душ тем мощным импульсом, который необходим для того, чтобы в следующем воплощении люди оказались в силах действительно встретиться со Стражем Порога. Это означает, что и вся цивилизация как таковая сможет предстать тогда перед Стражем Порога.

Сравните современную цивилизацию с цивилизациями прошлого. Во всех предшествующих цивилизациях имелись идеи и понятия, которые поначалу восходили в сверхчувственный мир, к богам, — туда, где совершалось сотворение мира, где все зарождалось. А затем с помощью тех же понятий, которые адресовались богам, можно было созерцать и земной мир — чтобы постигать и его посредством понятий и идей божественного достоинства. Если человек с идеями, несущими печать божественного достоинства, божественного величия, оказывался перед Стражем Порога, то Страж говорил ему: «Можешь войти, ибо ты переносишь в сверхчувственный мир то, что было устремлено к нему уже во время твоей земной жизни в физическом теле. При возвращении в физически-чувственный мир у тебя останется достаточно сил, чтобы не впасть в паралич от зрелища сверхчувственного мира». Ныне человек развивает такие понятия и идеи, которые он, следуя духу времени, может применить только в физически-чувственном мире. Эти понятия и идеи работают во всей области числа, меры и веса, но бессильны в мире богов. Они не обладают божественным достоинством, божественным величием. Поэтому когда души, которые уже целиком подвержены идеям материализма, лишены божественного величия и божественного

достоинства, в спящем состоянии проходят перед Стражем Порога, им громом звучат слова: «Не преступай порога! Ты унижил свои идеи до уровня чувственного мира. Ты должен оставаться с ними в чувственном мире: если не хочешь оказаться душевно парализованным, ты не должен вступать с ними в мир богов».

* * *

Призыв к мужеству и, далее, к бодрствованию — вот что необходимо для антропософов в условиях современной цивилизации. Не-антропософы слышат следующее: «Оставайся за пределами страны духов, ты низверг во прах земной возвышенный мир идей, ты не собрал идей, обладающих божественным величием и божественным достоинством. Посему при возвращении в физически-чувственный мир ты будешь парализован». Но антропософским душам будет сказано: «Надо лишь испытать ваше мужество исповедовать то, что звучит в вашей душе, в устремлениях вашего сердца» *1.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 4 января 1924 года

В дополнение к тому, что было сказано в курсе лекций во время нашего Рождественского собрания, в этих трёх лекциях *2, которые я буду читать по вечерам, мне хотелось бы поговорить об исследовании духовной жизни нового времени. Эта новая фаза духовнонаучного развития часто обозначалась как розенкрейцерство, а также другими названиями, кроме того, мне хотелось бы показать вам процесс исследования духовной жизни с внутренней стороны. Для этого сегодня нам придется предварительно поговорить о представлениях, которые утвердились примерно в IX, X и XI столетиях и постепенно исчезли к концу XVIII-го, хотя в отдельных случаях сохранились и в XIX столетии. Я не стану вдаваться в исторические подробности, а предлагаю вам некую сумму представлений, которые внутренне переживали определенные личности. Обычно упускают из виду, насколько у тех, кого следует причислить к просвещенным людям, ещё совсем недавно мир представлений был другим по сравнению с нашим. Сегодня, когда известны уже семьдесят или восемьдесят химических элементов, люди даже не подозревают, как мало изучены кислород, водород и другие элементы. Ведь кислород — это нечто, имеющееся в земной жизни при определенных температурных условиях. Для разумного человека невозможно связать какое-либо представление с реалиями, которые при повышении температуры на некоторое количество градусов уже не имеют той же самой массы и не наличествуют в той же консистенции, как при обычных условиях, в которых человек живет как физическое существо. Но именно такие понятия, такие представления, стремящиеся выйти за рамки житейского релятивизма и прийти к подлинному бытию, лежали в основе исследовательской деятельности раннего и среднего Средневековья.

Я указываю на переход от IX к X столетию по той причине, что до этого времени всё мировоззрение людей было очень одухотворённым. К примеру, было совершенно невозможно, чтобы просвещённый человек IX века имел иное по своей реальности (я это подчеркиваю: по своей реальности) восприятие Ангелов, Архангелов или Серафимов, чем восприятие физического человека, которого видят глазами. Можно сказать, что такой просвещённый человек, который до X века говорил о духовных существах, так называемых интеллигенциях космоса, именно встречал этих существ, хотя ему было известно, что давно прошли те времена, когда это было всеобщим достоянием человечества. Но он знал, что при определенных обстоятельствах проявляется воздействие этих существ. Надо не пускать из вида, что многочисленные священнослужители, католические пасторы, вплоть до IX—X столетий во время богослужения видели такие духовные существа, интеллигенцию космоса.

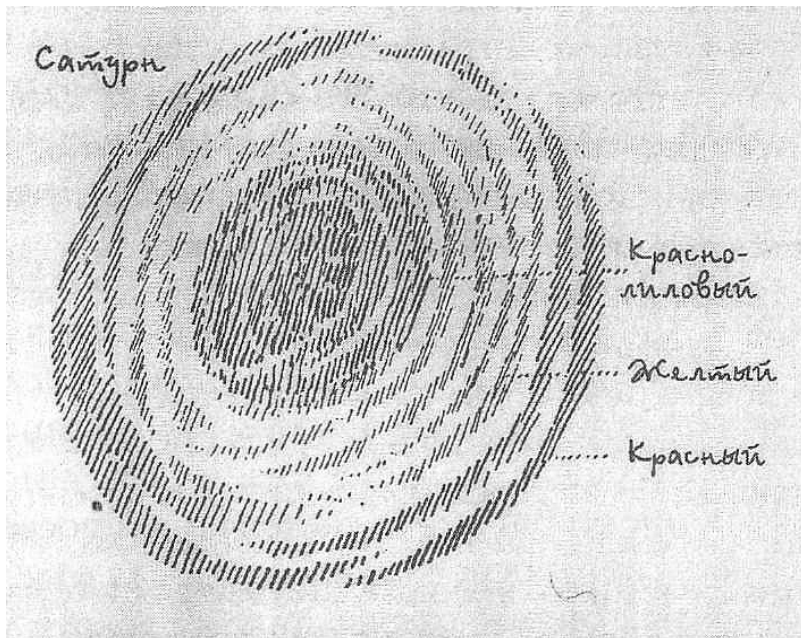
С приходом IX—X столетий постепенно из человеческого сознания

исчезает непосредственная связь с интеллигенцией космоса и всё больше проявляется понимание элементов космоса — понимание земляного, текучего или жидкого, воздухообразного и теплоподобного, или огненного. И как ранее говорили о космической интеллигенции, которая управляет движением планет, задаёт его на фоне неподвижных звезд, так начали говорить о непосредственном земном окружении. Стали говорить об элементах Земли, Воды, Воздуха и Огня. Химические элементы в современном смысле слова не принимались во внимание. Это пришло гораздо позднее. Но, видите ли, мысль о том, что просвещённый человек еще в XIII—XIV столетиях, а в некотором смысле и вплоть до XVIII столетия, понимал под Теплотой, Воздухом, Водой и Землей то, что имеют в виду в этой связи современные люди, привела бы нас к ложному представлению. В наше время о теплоте говорится вообще только как об определенном состоянии, в котором находятся тела. А о собственно тепловом эфире больше нет и речи. Но и Воздух, и Вода — всё это стало для современных людей чем-то в высшей степени абстрактным, и назрела необходимость углубиться в тот, некогда бытовавший способ представления. И мне хотелось бы дать вам образное представление о том, как просвещённые люди упомянутых времен говорили об этом предмете.

Когда я писал «Очерк тайноведения», то был вынужден, привести описание земной эволюции хотя бы в какой-то степени в созвучие с бытующими современными представлениями. В XIII—XII столетиях это надо было бы делать по-другому. Например, необходимо было бы в одной из глав подобного труда пояснить следующее: сначала очертить представление о существах первой Иерархии — Серафимах, Херувимах, Престолах. Серафимов следовало бы охарактеризовать как существ, для которых нет ни субъекта, ни объекта, а существуют оба, то есть субъект и объект совпадают, так что Серафимы не могли бы сказать: вне меня существуют предметы. Они сказали бы: существует мир, я нахожусь в этом мире, и этот мир — я; ибо только это они и знают о себе, причем Серафимы знают о себе из переживания, о котором человек может составить только бледное представление, когда он, скажем, испытывает пламенное воодушевление.

Современному человеку трудно объяснить, что такое пламенное воодушевление, хотя еще в начале XIX столетия об этом еще кое-что знали. Тогда еще бывало так, что при чтении какого-нибудь стихотворения того или иного поэта человека охватывало такое воодушевление, что (прошу прощения, но так оно и было) современный человек сказал бы: он просто лишился рассудка! Голова шла кругом, в груди разливалось тепло. А в наше время у людей просто стынет кровь, когда кто-то старается вызвать в них воодушевление.

И при помощи этого феномена воодушевления, который повсеместно был распространен в Средней и Восточной Европе — если осознать его, — можно в какой-то мере представить себе внутреннюю жизнь Серафимов. И если представить себе совершенно просветлённое, светоносное сознание, когда мысль становится светом, озаряющим всё вокруг, то это будет представлением о сознании Херувимов. И благословляющим, мироносным будет сознание Престолов.

Конечно, это только набросок. Я мог бы ещё долго говорить об этом. Мне хотелось только сказать, что если бы в те времена попытались охарактеризовать основные качества (Серафимов, Херувимов и Престолов, то они были бы таковы: Серафимы, Херувимы и Престолы представляют как бы единый хор, причем Престолы образуют ядро (см. рис.: красно-лиловый цвет в середине); Херувимы, исходя из этого ядра, излучают

своё светоносное существо© (желтый круг). Серафимы окружают целое покровом воодушевления, который сияет далеко в мировое пространство (красная окружность).

И всё это на рисунке представляет собой существа, которые проникают друг в друга, пропитывают друг друга, друг в друге действуют, мыслят и изъявляют волю, причем это происходит органично: в центре — Престолы, вокруг — Херувимы, а на периферии — Серафимы. Если бы какое-нибудь существо, располагающее соответствующей способностью восприятия, проделало бы путь через пространство, в котором описанным образом Престолы составляют сердцевину, Херувимы — своего рода окружение, а Серафимы — периферию, то есть если бы такое существо вошло в сферу действия первой Иерархии, то оно ощутило бы целый спектр тепла, различные температурные состояния в разных точках этой сферы — в одной теплее, в другой холоднее, но хотя всё это происходило бы на душевно-духовном уровне, такое душевное переживание одновременно было бы по нашей человеческой мерке и физическим переживанием, то есть когда такое существо переживало душевное тепло, в нём реально присутствовало то, что вы бы испытывали, находясь в комфортном теплом пространстве. Такого рода корпорация существ первой Иерархии некогда возникла во Вселенной, и это было источником бытия Сатурна. А теплота — просто признак присутствия этих существ. Сама по себе теплота ничто, она — просто признак присутствия этих существ.

Мне хотелось бы для ясности привести такой пример. Предположим, вам нравится человек, в присутствии которого вы испытываете душевное тепло. А теперь представьте себе, что явится этакий законченный сухарь и скажет: этот человек меня совершенно не интересует, он для меня не существует, меня интересует только то тепло, которое он распространяет. Или, может быть, он даже не Средневековые центры Мистерий упомянет человека, распространяющего тепло, а просто скажет: меня вообще интересует только тепло. Этот законченный сухарь, естественно, говорит бессмыслицу, это очевидно, ибо если устранить человека, который распространяет тепло, то и самого тепла тоже не будет. Ведь тепло — это то, что есть, когда присутствует определенный человек, без которого этого

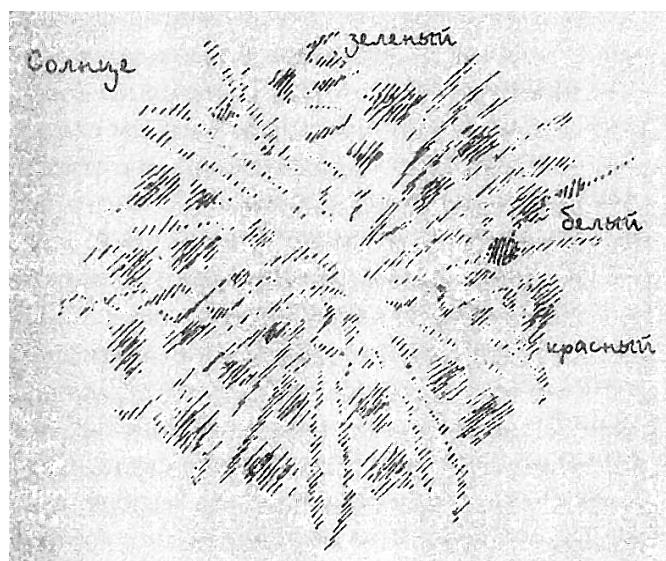
тепла нет. Так и Серафимы, Херувимы и Престолы должны присутствовать, иначе не будет и теплоты. Теплота есть только откровение Серафимов, Херувимов и Престолов.

Видите ли, то, что я вам сейчас описал, существовало в те времена, вплоть до раскрашенных рисунков. Когда говорилось об элементах, то под элементом тепла, собственно, понимались Серафимы, Херувимы и Престолы. И всё это представляло собой бытие Сатурна.

Затем делался следующий шаг и говорилось: только Серафимам, Херувимам и Престолам дана власть сотворить нечто подобное в космосе. Только высшая Иерархия может творить в космосе. Но после того, как высшая Иерархия произвела акт творения у истоков мирового становления, развитие может продолжиться. Его могут продолжить сыновья Серафимов, Херувимов и Престолов. И это происходит таким образом, что действительно вызванная к жизни Серафимами, Херувимами и Престолами вторая Иерархия — Господства, Силы и Власти — проникает в то пространство, которое было сформировано (Серафимами, Херувимами и Престолами на сатурнический лад,

то есть пронизанное теплотой. В него проникают более молодые — естественно, в космическом смысле — существа. Каким же образом они действуют? Тогда как Серафимы, Херувимы и Престолы открывались в элементе Тепла, существа второй Иерархии открываются в элементе Воздуха. Здесь (на рис. — красный фон) сатурническое затемнено и излучает теплоту. А внутри этого затемненного мира сатурнического бытия возникает то, что может возникнуть благодаря сыновьям первой Иерархии — благодаря Господствам, Силам и Властям.

И то, что возникает внутри этой сатурнической теплоты, возникает благодаря тому, что проникновение второй Иерархии сопровождается внутренним пронизанием светом, а эта внутренняя пронизанность светом связана с уплотнением теплоты. Из чисто теплового элемента возникает воздушный. И начинает свое существование вторая Иерархия с её откровением света. Однако мы должны ясно себе представлять, что на самом деле имеет место проникновение существ. Для одаренного соответствующей способностью восприятия это — проникновение света. Свет обозначает пути этих существ. И всюду, куда достигает свет, при определенных условиях появляется и тень, и как результат тени - темнота, тьма. Благодаря проникновению второй Иерархии в форме света возникают также и тени. И что же это за тени? Это Воздух. Фактически вплоть до XV—XVI столетий люди знали, что такое Воздух. Сегодня знают только, что воздух состоит из кислорода, водорода и т.д. Но это немногим больше, чем о часах знать, что они состоят из стекла и серебра: ведь это

практически не дает никакого представления о самих часах. Равным образом о Воздухе как космическом явлении ничего не говорит сообщение о том, что он состоит из кислорода и водорода. Зато очень многое становится известным о Воздухе, если знать: в космосе Воздух — это тень света. Так что фактически при проникновении второй Иерархии в сатурническое Тепло происходит проникновение света (белых лучей) и тени света — Воздуха (зеленых извилистых линий). При этом возникает Солнце. Так должны были говорить в XIII—XII столетиях, и никак иначе.

Дальнейшее развитие происходило опять-таки под водительством сыновей, но уже сыновей второй Иерархии: Архаев, Архангелов и Ангелов. Эти существа приносят в светящийся элемент нечто новое на основе того, что: первоначально было принесено второй Иерархией, то есть на основе тени, которую отбрасывает темнота воздушного элемента (причем это не та нейтральная сатурническая тьма, которая означает просто отсутствие света, а результат возникновения противоположности свету). Третья Иерархия — Архаи, Архангелы и Ангелы — ведет к дальнейшему развитию, внося благодаря своему существованию элемент сродни нашему вожделению, нашему стремлению к обладанию чем-либо, сродни некоему томлению.

Благодаря этому возникает такое состояние. Допустим, здесь (см. рис. — точка на световой стрелке справа) появляется Архай или Ангел и вступает в элемент света или, лучше сказать, на место света. В этом месте света он испытывает — по причине своей чувствительности к свету — тягу к темноте. И Ангел, вносит свет во тьму, либо же другой Ангел вносит тьму в свет. Эти существа становятся посланцами, посредниками между светом и тьмой. В результате тот, кто только сиял в свете, а его тени — неосвещенная воздушная тьма — тянулись за ним, начинает сиять всеми красками, так что свет проникает во тьму, а тьма проникает в свет. И эта третья Иерархия извлекает краски из света и тьмы.

В отношении этих вещей мы можем представить также нечто исторически документированное. Во времена Аристотеля *3 люди еще знали, что когда в школах Мистерий ставился вопрос о происхождении цвета, это было связано с существами третьей Иерархии. Вот почему, говоря о гармонии красок, Аристотель указывал, что цвет означает взаимодействие света и тьмы *4. Но духовный элемент, означавший, что по ту сторону теплоты сокрыты существа первой Иерархии, что позади света и тени, тьмы, сокрыты существа второй Иерархии, а за игрой красок скрывается мировая взаимосвязь существ третьей Иерархии, был утрачен для созерцания. От всего этого осталось только злополучное учение Ньютона *5 о красках, над которым вплоть до XVIII века посвященные только смеялись, а затем оно сделалось исповеданием веры профессиональных физиков.

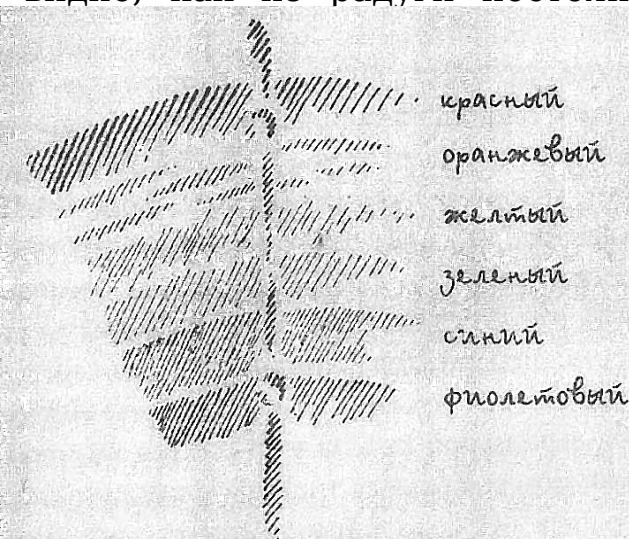
Надо поистине ничего не знать о духовном мире, чтобы говорить о цвете; как Ньютон. А когда вас подстёгивает духовный мир, как это было с Гёте, поневоле начинаешь противиться этому учению. Тогда открывают правильное учение, как это сделал Гёте, и при том страшно бранятся. Ибо Гёте никого и никогда так сильно не ругал, как Ньютона; он страшно бранил это нелепое учение. В наше время такие вещи трудно понять по той простой причине, что любой, не признающий ньютоновского учения о

цвете, выглядит дураком в глазах физиков. Но Гёте был вовсе не одинок в своем мнении. Хотя он один высказывался по этому поводу, просвещенные люди, которые еще водились в конце XVIII века, были прекрасно осведомлены о том, как появляется цвет на уровне духа.

Воздух — это тень света: и когда возникает свет, при определенных условиях возникают и тени. Так и цвет при внедрении в воздушный элемент действительно проявляется в нем, то есть представляет собой не просто отблеск, не просто отражение, а является чем-то реальным, проникшим в воздушный элемент. И тогда из реальности цвета (ведь когда он присутствует, он воздействует как некая реальность) возникает текучий, жидкий элемент, как давление при определенных условиях вызывает противодействие. И как Воздух, понимаемый в космическом смысле — это тень света, так и Вода — отражение, творение цвета в космосе.

Вы скажете: я этого не понимаю. Но попытайтесь только на уровне фактов понять цвет в его реальности. К примеру, красный. Вы уверены, что красный в своём действительном существовании есть только нечто нейтральное на поверхности, каковым он обычно представляется? Красный — это нечто агрессивное по отношению к человеку. Я часто говорил об этом. Человек может убежать от красного, но тот настигает его. А сине-фиолетовый сам бежит от человека и будет убежать постоянно — всё дальше и дальше. В цвете всё живет. Краски — это целый мир, и на душевном уровне человек чувствует себя в мире красок так, что не может пребывать в статическом состоянии, когда сопровождает цвет душевным переживанием.

В наше время человек просто пялит глаза на радугу. А когда радугу воспринимают при помощи имажинации, то видят элементарные существа, которых она очень привлекает. И эти элементарные существа являются собой весьма примечательное зрелище. Вот здесь (красное и желтое) видно, как из радуги постоянно выходят определенные элементарные

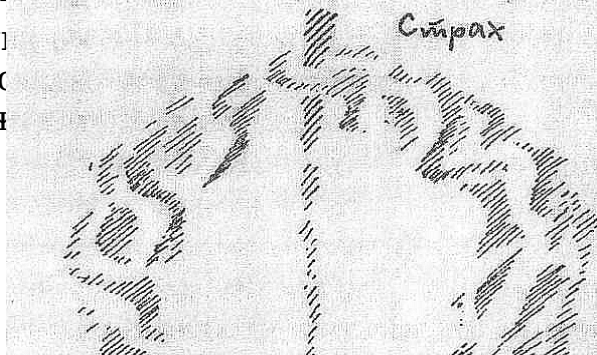

идут сюда. В то мгновение, когда они

идут сюда, они
идут сюда — в области зеленого и
другой стороны они выступают снова. И
созерцать имажинативно, являет
существование. Возникает что-то вроде
разительное зрелище. Но одновременно
существа появляются с великим
необходимым мужеством. Когда смотришь на
красное, а когда смотришь на сине-фиолетовое,
тот же мужеству, всё напоминает кураж.
себе, что там не просто радуга, и если я
идет. верхний рис. — в верхней части) и

поверну радугу вот так (поворот на 90 градусов), то

тогда су
мужество
И муж
радуга,

идет здесь; здесь страх, а здесь —

управлен теперь так, что здесь у нас
т.д. Тогда радуга приобретает

пространственное измерение. И тогда вполне можно себе представить, что в результате возникает водный элемент, а в этом водном элементе живут духовные существа, которые на самом деле являются своего рода отображениями Существ третьей Иерархии.

Так что можно сказать: если стараться приблизиться к просвещенным людям XI, XII и XIII столетий, то такие вещи надо понимать. Без них вы не смогли бы понять последующего — не смогли бы, например, понять Альберта Великого *6, — если прочтете его в свете современных знаний. Его надо читать, зная, что такого рода духовное представляло еще для него реальность; и только тогда вам сделается понятным его словоупотребление, его манера выражаться.

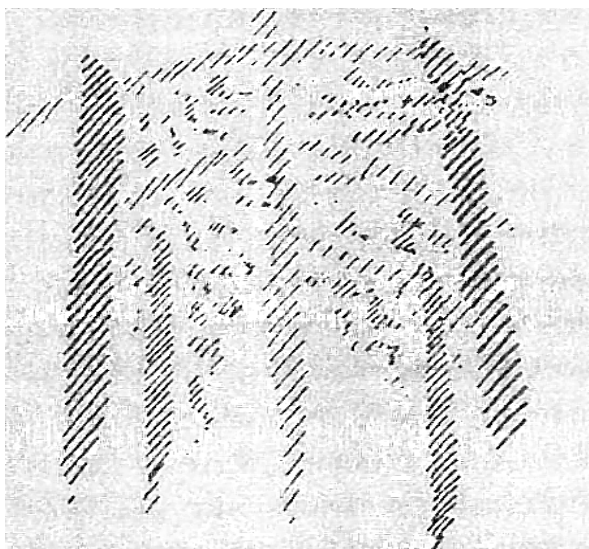
Таким образом, в воздухе и в воде появляется как бы отображение Иерархий. Когда дело касается проявления самих Иерархий, то вторая Иерархия выступает в форме света, а третья Иерархия — в форме цвета. Если это происходит, значит, достигнута лунная стадия развития.

Далее следует четвертая Иерархия. Я рассказываю вам, как думали люди в XII—XIII веках. Итак, четвертая Иерархия. О ней мы вообще не говорим, но в XII—XIII столетиях об этой четвертой Иерархии говорили весьма охотно. Что же такое эта четвертая Иерархия? Это — человек. Сам человек и есть четвертая Иерархия. Но в телесном отношении под четвертой Иерархией подразумевалось не то существо, которое ходит по миру на двух ногах, подлежит старению и вообще является престранным существом, ибо истинно просвещенному тех времён современный человек показался бы именно престранным существом. А они говорили о первоначальном человеке — о человеке до грехопадения, который еще располагал властью над Землей, как Ангелы, Архангелы и Архаи обладали властью над лунным состоянием бытия, как вторая Иерархия обладала властью над солнечным бытием и как первая Иерархия — над сатурническим. Речь шла о человеке в его изначальном земном бытии, о человеке как о четвертой Иерархии. И с этой четвертой Иерархией пришло то, что представляло собой дар высших Иерархий, но такой, который являлся достоянием высших Иерархий, и они его оберегали, но сами не испытывали в нем нужды, — этим даром была Жизнь. Таким образом, в тот красочный мир, который я вам эскизно обрисовал, вступила Жизнь.

Вы скажете: что же, раньше во всём этом не было жизни? Дорогие мои друзья, то, как обстоит дело, вы можете изучить на самом человеке. Ваше «Я» и ваше астральное тело не имеют в себе жизни, не имеют существования. Ведь духовное и душевное не нуждается в жизни. Жизнь начинается только с эфирного тела, а оно — всего лишь внешняя оболочка. Подобным образом только по завершении лунного развития и сама жизнь вступает в ту фазу эволюции, к которой относится наша Земля. Красочный мир делается оживотворенным. И не только то, что теперь Ангелы, Архангелы и т.д. испытывают стремление вносить тьму в свет, а свет во тьму, вызывая тем самым игру красок на планетах, но наступает время внутреннего переживания этой игры красок, их внутреннего усвоения. Переживать, как тьма внутренне доминирует над светом, значит испытывать слабость, упадок сил; и, наоборот, когда свет преобладает над тьмой, это означает испытывать подъём сил. Ибо что значит, например,

бег? Когда вы бежите и напряжены, свет доминирует В вас над тьмой; а когда вы сидите и расслаблены, то тьма преобладает над светом. Это — действие красок на душевном уровне, душевная игра цвета. Когда вступает четвертая Иерархия — человек, игра красок пронизана, пропитана Жизнью. И в это мгновение космического становления те силы, динамика которых проявляется в игре красок, начинают создавать контуры. В жизни краски внутренним образом ограничены, окантованы, поэтому она вызывает твёрдую кристаллизацию. В результате мы находимся внутри земного бытия.

То, что я вам сейчас описываю, для тех средневековых алхимиков, оккультистов, розенкрейцеров и т.д., которые процветали с IX, X по XIV, XV столетия, было аксиомой, хотя история мало что сообщает об этом, отдельные из них встречались вплоть до XVII -го и даже до начала XIX века. Но только все они оставались в неизвестности. Современное же мировоззрение привело к следующему. Представьте себе какого-то человека, которым я перестаю интересоваться, просто беру его одежду, вешаю её на манекен и после этого утрачиваю всякий интерес к самому человеку. Далее я представляю себе, что манекен и есть человек (см. рис.); что мешает мне считать манекен человеком? Он ведь выглядит как человек! Так же обстоит дело и с элементами природы. Люди перестают интересоваться тем, что за теплом или огнем стоит первая Иерархия, за светом и воздухом — вторая, за так называемым химическим эфиром, цветовым эфиром и так далее и за водой — третья Иерархия, а за жизненным элементом (жизненным эфиром) и Землей — четвертая Иерархия, или Человек. Люди видят только одежду, надетую на манекены! Это первое действие. Затем начинается второе, причем на манер Канта! Начинается кантианство — начинают разоблачать манекен: философствовать о том, какого рода «вещью-в-себе» могла бы быть одежда. И приходят к выводу, что эту «вещь-в-себе», то есть одежду, невозможно постигнуть. Как остроумно! Естественно, если сначала удалить человека, а оставить только облаченный в одежду манекен, то можно философствовать об этой одежде, и это будет поводом для прекрасных спекуляций. Ведь имея перед собой; манекен, можно философствовать либо на манер Канта о непознаваемости «вещи-в-себе», либо на манер Гельмгольца *7, то есть рассуждать о том, что там, внутри находятся маленькие вибрирующие частички - атомы, — которые сталкиваются и удерживают форму одежды.

Да, дальнейшее развитие мышления пошло в этом направлении. Оно совершенно выхолощено, совершенно абстрактно. Но именно такое мышление, такие спекуляции превалируют сегодня; и всё наше современное естествознание отмечено им. И мы правильно поступаем, когда уклоняемся от атомистического мышления. Ибо люди долго еще не придут к тому, чтобы снова облачить в одежду

самого человека, а не фантазировать о разных завихрениях атомных танцев. И это относится к миссии духовной науки.

Мне хотелось сегодня привести вам несколько примеров того, как люди думали в прошедшие времена и что недоступно нам в старых писаниях. Но поскольку это утрачено, в наше время происходят любопытные вещи. Например, один скандинавский химик *8 разыскал одно место из Василия Валентина *9 и на основании этого текста проделал эксперимент в духе современной химии. И, естественно, он не мог сказать ничего, кроме как что написанное у Василия Валентина есть полная бессмыслица, ибо так всё и выглядит при современном химическом мышлении, когда в лаборатории при помощи реторт и прочих инструментов производится современный эксперимент. А на самом деле у Василия Валентина приводится элемент эмбриологии, но только выраженный в символической форме. Это фрагмент эмбриологии. И когда при современном направлении мысли проделывается чисто лабораторный опыт, то результат выглядит бессмыслицей. Ибо если ты не Вагнер, подмастерье Фауста, который придерживался еще точки зрения минувших столетий, как раз в лаборатории и невозможно воспроизвести фрагмент эмбриологии.

Такие вещи должны быть заново открыты в наши дни. И в связи с теми великими истинами, которые мне надлежало высказать во время Рождественского собрания, мне хотелось бы еще кое-что прибавить относительно судеб внутренней духовной жизни минувших столетий в мировом развитии.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 5 января 1924 года

Вчера я начал с вами разговор о духовно-научных устремлениях в IX и X столетиях и закончил той эпохой, когда в этих устремлениях еще присутствовала серьёзность, то есть концом XVIII — началом XIX столетия, и я попытался частично ознакомить вас с содержанием этих устремлений. Сегодня мне хотелось бы коснуться больше исторической стороны. Речь идет, собственно, о том, что благодаря Мистериям, происходившим в определенных центрах (тем Мистериям, о которых я рассказывал в вечерних лекциях во время Рождественского собрания), реально могла осуществляться встреча людей — посвященных и посвящаемых — с богами; что в центрах Посвящения в некотором роде существовала возможность, если позволительно применить столь педантичное выражение, официально организовать место такой встречи, строго определенное место.

Такого рода учреждения, которые составляли основу всех древних цивилизаций, внедряя в них свои импульсы, медленно и постепенно исчезали, так что можно сказать: в своей старой форме они исчезают уже начиная с IV столетия. Изредка, в виде отдельных исключений, они еще встречались, но в классической старой форме уже отсутствовали. Само же Посвящение, напротив, в сущности, никогда не прекращалось; менялись только формы, при помощи которых посвящаемые обретали свой путь. Я уже указывал на то, что в Средние века дело обстояло так, что здесь и там наличествовали отдельные непритязательные люди, жившие совершенно неприметно, которые в определённых местах собирали вокруг себя учеников, но не официальным путем, а в той мере, в какой это допускала карма народа и человечества. Один такой случай я описал, характеризуя Иоганна Таулера *10, в моей книге «Мистика на заре духовной жизни Нового времени». В это нам не надо сегодня вдаваться. Зато мне хотелось бы сейчас обсудить другой случай, который можно считать характерно-типичным, — случай, имевший огромное влияние с XII—XIII веков вплоть до XV столетия и многое обуславливавший в тогдашних духовных течениях. Этот случай мне хотелось бы вам в общих чертах охарактеризовать.

Это случилось примерно в 1200 году. В то время действительно существовало большое число молодых людей, испытывавших тягу к более высокому познанию, к связи с духовным миром, можно даже сказать, к встрече с богами. И в течение довольно продолжительного периода времени казалось чистой случайностью, когда такой устремленный человек находил своего учителя, ибо в то время еще не существовало книгопечатания и всё происходило совершенно приватным образом. Конечно, при этом работали глубокие силы судьбы, и только внешне всё выглядело случайностью. Об одном таком ученике мне хотелось бы поговорить.

Этот ученик благодаря такой кажущейся случайности нашел в

определенном месте Средней Европы учителя. Он повстречал человека преклонных лет, который сразу вызвал в нем чувство, что тот способен руководить глубочайшими устремлениями его души. И мне хотелось бы вам сначала в общих чертах изложить один разговор. Естественно, между учеником и учителем имел место не один разговор, но я соединю эти беседы воедино.

Ученик сказал учителю, что он стремится проникнуть в духовный мир, но ему сдается, что на самом деле это невозможно из-за современной природы человека — напоминаю, что речь идет примерно о XII столетии, — ибо эта человеческая природа неспособна на такое проникновение. Ведь человек должен — так говорил ученик — находить в природе нечто такое, что являлось бы результатом творческой деятельности божественно-духовных существ. Необходимо в глубине природных вещей, в ходе природных процессов уметь познавать, каким образом ими руководят божественно-духовные существа. Но казалось, что природа современного человека не способна к ним проникнуть. И в этом ученике, в этом молодом человеке — я разумею человека 25—28 лет — возникало ощущение, что современное человечество, с его специфической связью души и тела, не способно к такому проникновению, оно в самом себе содержит препятствие.

И в виде испытания учитель отвечал ему сначала так: но ведь у тебя есть глаза и уши; обрати свой взор на природные явления, направь на них свой слух, и ты через цвет и звук, в которых открывается духовное, сможешь воспринять и само духовное. Ученик отвечал: когда я применяю своё зрение, когда я созерцаю красочный мир, то мой глаз как бы тормозит цвет и он словно цепенеет в моем глазу. А когда я внимаю звукам, они будто бы костенеют в моем ухе, и дух природы не проникает в мои органы чувств с их оцепеневшим цветом и окостеневшим звуком. Учитель сказал ему: но ведь существует еще и Откровение религиозной жизни. Оно сообщает о том, как боги сотворили мир, как в мир явился Христос и стал человеком. Так что помимо природы существует еще и Откровение. Разве того, что не может дать тебе природа, ты не можешь получить из Откровения? На это ученик отвечал: моё сердце горячо отзывается на Откровение, но одно для меня остаётся непостижимым — как соединить то внешнее, что находится в природе, с тем, о чем гласит Откровение. Так что если я не понимаю природу, если откровение природы для меня закрыто, то и религиозное Откровение для меня непостижимо.

На это учитель отвечал: при таком отношении — если ты говоришь это от всей души — ты не сможешь понять ни Природы, ни Откровения. Ибо ты живешь в человеческом геле, которое подпало первородному греху (так принято было выражаться в те времена), и такое отмеченное первородным грехом тело не подобает тому земному окружению, в котором ты живешь. А земное окружение не даёт тебе возможности так применять твои органы чувств и твою натуру, чтобы ты мог воспринять природу и Откровение как просветление, ниспосланное богами. И если ты пожелаешь, я уведу тебя из того природного окружения, которое попросту не подобает твоему существу, и дам тебе возможность лучше понять Откровение и Природу.

И вот в один прекрасный день, по взаимной договорённости, учитель возвел ученика на гору — на очень высокую гору, с которой невозможно было рассмотреть привычную поверхность земли с её деревьями и ручьями; и когда ученик и учитель стояли на вершине, то, как это бывает на высоких горах, внизу можно было видеть только туман, закрывавший земную поверхность. В таких местах человек чувствует себя, по меньшей мере, отрешённым от земных страстей. Над головой — лишь воздушный океан с его облачными образованиями, а внизу под ногами — что-то вроде вздымающегося моря облаков; утренний туман, утреннее настроение. Учитель говорил много. Он говорил о мировых далях, о космическом пространстве, говорил о том, что куда бы ни достигал взор, всюду ночью выступают звезды — говорил разное, и благодаря этому душа ученика целиком предавалась чудесам природной жизни, сохраняя при этом отрешённость от земного.

Такая подготовка длилась до тех пор, пока на самом деле настроение души, в котором пребывал ученик и которое можно сравнить с тем, что охватывает, когда вся земная жизнь представляется неким сновидением, удерживалось в нем не мгновение, а продолжительное время. Сколь однообразным было то, что представало его взору — колышущееся море тумана, море облаков, немногочисленные близлежащие вершины гор, мировые дали, здесь и там покрытые облачными образованиями, и едва приметная земля, — столь же аскетичным было содержание его сознания по сравнению с многообразием того, что он постоянно переживал внизу, на поверхности земли, и более ничто не проникало в его бодрствующее сознание. А всё, что он когда-то переживал на земле, казалось ему памятью о каком-то сновидении. Он как бы пробуждался ото сна. И когда наступало пробуждение, из расщелины в скале, которую он до этого не замечал, навстречу ему выступил мальчик лет 10—11, производивший удивительное впечатление; ибо в этом мальчике он узнал себя в том же самом возрасте. То, что ему предстало, было духом его юности. Вы уже догадываетесь, дорогие друзья, что побудило меня в одной из моих драм-мистерий ***11** вывести на сцену образ юности Иоганна Томазия ***12**. Это не фотографическое изображение. Использован только мотив. И вообще мои драмы-мистерии не есть какой-то оккультный готический роман.

И ученик предстаёт перед духом собственного детства, перед самим собой. Он в свои 25—28 лет существует наряду с духом своей юности. И учитель может вести разговор, который относится и к ученику, и к его юному эго. И разговор этот протекает весьма своеобразно — вы можете это видеть из самой драмы-мистерии, из стилистики этой сцены. Ибо когда человек встречает дух своей юности (а это может случиться в любую минуту), то он наделяет детские представления духа юности своим зрелым рассудком, а дух юности отдаёт часть своей свежести, своей детскости представителю более зрелого возраста. И благодаря этому взаимобмену такой разговор бывает особенно действенным. Этот разговор ведет к тому, что ученик учится постигать религиозное Откровение.

Разговор касается преимущественно Книги Бытия, начала Ветхого Завета, и приводит к теме вочеловечившегося Христа. Под руководством учителя и в силу той особой действенности, которая в нем царит, разговор

этот заканчивается для ученика тем, что он может сказать: теперь мне понятно, какой дух господствует в Откровении. Только тогда, когда возникает возможность быть вдали от всего земного, как бы перенесённым в эфирные выси, дабы с помощью детских сил, проникающих в более поздний период жизни, постигать идеальное в эфирных высотах, только тогда человек правильно понимает Откровение. Он понимает тогда, что боги дали людям Откровение потому, что человек не в состоянии, находясь на земле, при помощи одного только действия природы постичь деяния богов. И они дают Откровение, которое, естественно, недоступно пониманию в зрелом возрасте, но может быть понято, когда детство действительно оживает в зрелые годы. Итак, понимание Откровения есть нечто аномальное. Это производит сильнейшее впечатление на ученика. И оно не исчезает, а остаётся незабываемым, сам же дух юности снова исчезает. Такова первая фаза обучения.

За ней должна последовать вторая, и она протекает следующим образом: учитель снова ведет ученика в определенное место. На этот раз он не возводит его на гору, а приводит к ее подножию, зная, что там, в глубокой расщелине есть вход в пещеру, ведущий в горную шахту. И теперь ученик со своим учителем пребывают в глубинах земли, они далеки от эфирных высей, уводящих в высь от ее поверхности, а находятся в глубине земли, погрузившись под её поверхность.

И опять в сознании ученика всё пережитое на земле кажется сном. Ибо теперь он живет внизу в таком окружении, которое с особой силой пробуждает его сознание. Он как бы сродняется с глубинами земли. Понимаете, там происходит нечто такое, что лежит в основе легенд, например, саги о жизни кайзера Барбароссы в Киффхаузере или кайзера Карла Великого у подножия гор около Зальцбурга. Что-то в этом роде происходит, когда на короткое время удаляешься от жизни и от земных дел, погружаясь в глубины земли. И опять-таки, учитель, умело направляя разговор, вызывает в сознании ученика ощущение этой связи с глубинами земли. И тогда из стены навстречу ученику выступает старик, который не кажется столь знакомым, как дух его юности, но вызывает предчувствие того, каким он сделается через несколько десятилетий. Он как бы переносится в свою грядущую старость, и происходит разговор ученика с его старческим эго, со своей персоной, обремененной грузом лет, причем руководит беседой опять-таки учитель.

Результат этого разговора сильно отличается от результата первой беседы, ибо в сознание ученика начинает проникать нечто из его собственного физического организма. Он ощущает кругооборот своей крови, каждого отдельного кровяного шарика, и, ощущая этот кругооборот, он проникает мыслью в сосуды, разветвления нервов, а также отдельные органы и осознает их значение для всего организма. Он чувствует, как в него проникает то, что находится вовне, в космосе, и что сродни человеку. Он ощущает воздействие цветения растений, чувствует корни растений, то, как минеральное в земной почве влияет на человеческий организм. Ученик чувствует в глубинах земли ее силы, проникающие в организм, циркулирующие в его собственном существе, творя, трансформируя, созидая и уничтожая субстанции. Он чувствует в себе творческую силу

земли. И результат этой беседы состоит в том, что когда старик, которым был он сам, исчезает, ученик может сказать: теперь сама земля, на которой я воплощен, говорила со мной своим существом — я пережил момент, когда через природу и текущие в ней процессы я прозревал работу богов по ту сторону земных вещей и земных процессов.

Затем учитель выводил ученика на поверхность земли и перед расставанием говорил ему: обрати внимание, сколь мало современный человек и современная земля подходят друг другу — ведь тебе приходится воспринимать Откровение религии от духа твоей юности высоко в горах и в удалении от земли, а откровение природы — под землей, в расщелине земли и глубоко под её поверхностью. И когда ты сможешь тем светом, который твоя душа вобрала на горе, осветить то, что она ощутила в расщелине земли, тогда, только тогда ты достигнешь мудрости.

Вы видите, в какой форме в те времена (а это был примерно 1200 год) достигалось погружение души в мудрость, наполнение ею. Ведь таким образом ученик фактически проходил некое посвящение, некую инициацию, и теперь он знал, какую силу души он должен приложить дабы оживотворить в себе свет Высот и тьму Глубин. Кроме того, учитель предлагал ученику и дальнейшие указания, которые в основном состояли в том, что он наставлял его: самопознание всегда заключается в том, что человек, с одной стороны, в своем собственном человеческом внутреннем воспринимает то, что находится высоко над земным человеком, а с другой — то, что находится глубоко под земным человеком. Оба эти начала должны встретиться во внутреннем человека и тогда он обретёт в своем собственном внутреннем силу творящих богов ***12**.

Из такого рода посвящения, которое я вам сейчас описал в качестве типичного, исходило то устремление души, которое в последующие времена принято было называть средневековой мистикой и которое было направлено на самопознание, а по сути на поиск путей к божественному. Но в последующие времена эта мистика сделалась абстрактной, а той конкретной связи с внешним миром, которая возникала для ученика при восхождении к эфирным высям и нисхождении в земные глубины, люди более не искали, а потому и не достигали того внутреннего потрясения, той всеобъемлющей полноты внутреннего переживания. Под влиянием такого устремления, такого импульса всё искали во внутреннем. Во внутреннем искали Бога, Его творческое проявление. И, в сущности, всё, к чему стремились Майстер Экхарт ***13**, Иоганн Таулер ***14** и поздние мистики, как это представлено в моей книге «Мистика на заре духовной жизни Нового времени», реально импульсировалось таким средневековым посвящением. Но те, кто поистине действовал в духе такого средневекового посвящения, во многих отношениях остались недооцененными. И очень трудно почувствовать, какими в действительности были эти ученики средневековых посвященных.

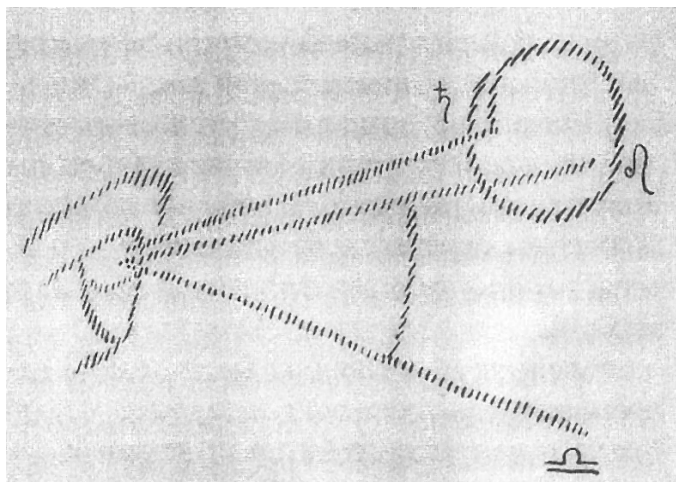
Ведь на путях к духовному миру можно действительно далеко продвинуться. И те, кто энергично практикуют описанное в моей книге «Как достигнуть познания высших миров», находят пути к духовному миру. Всё, что в прошлом реально происходило на физическом плане, сегодня, естественно, может быть найдено посредством духовного мира — в том

числе и описанные мной сцены, ибо не сохранилось никаких материальных свидетельств, которые подтверждали бы их. Но существуют такие области, которые мало доступны даже для развитого духовного взора. Чтобы их исследовать, надо возвыситься до того, чтобы общение с существами духовного мира сделалось столь же будничным, как общение с людьми. Тогда проясняется связь между теми посвященными, о которых я вам рассказывал, и их учениками, например, с таким учеником, исторические сведения о котором весьма сомнительны — с Раймундом Луллием, который жил с 1234 по 1315 год ***15**.

В исторических документах содержатся весьма скудные сведения о Раймунде Луллии. Но когда вы найдёте, так сказать, личное отношение к Раймунду Луллию — простите, если это покажется вам парадоксом, хотя после того, что в этих лекциях и в последние две недели здесь говорилось, вряд ли что-либо может показаться парадоксальным, — то он предстанет перед вами совсем другим, нежели его рисуют исторические документы. На самом деле он был в буквальном смысле личностью, руководимой как раз тем посвященным (дававшим указания ученику), о котором я только что говорил, и под влиянием учителя в нем возникло желание всеми силами возродить в свою эпоху то, чем в древности были Мистерии Слова, Мистерии Логоса. Он хотел обновить Мистерии Логоса, обновить при помощи самопознания, которое столь мощно стимулировалось в XII—XIII столетиях; я вам о нем уже рассказывал. Так называемую *Arx magna* Раймунда Луллия необходимо рассматривать с этой точки зрения. Он говорил себе: когда человек говорит, в его словах заключен целый микрокосмос. То, что он говорит, представляет всего человека, но только сконцентрированным в органе речи. Тайна каждого слова заложена во всём человеке, и, в свою очередь, поскольку слово заложено во всей полноте человека, оно объемлет весь мир.

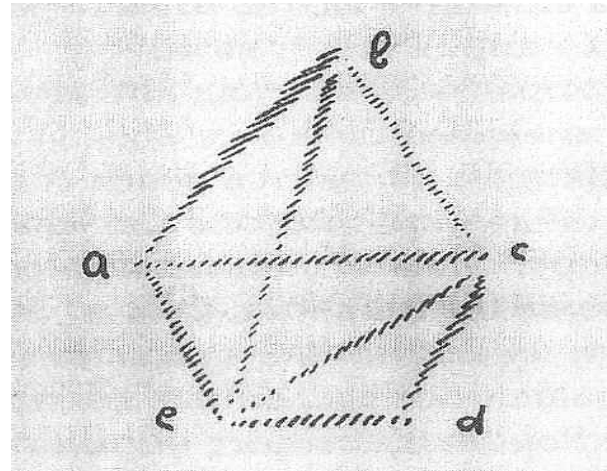
Таким образом получалось, что тайну человеческой речи надо искать сначала в самом человеке, переходя от внешнего органа речи к глубинам общей организации человека, а затем и к космосу, и уже исходя из космоса, снова постигать общее строение человека. Допустим, мы хотим постигнуть, например, гласную «А» в её истинном значении. Тогда вы убеждаетесь, что звук «А», который возникает в результате особой формы выдоха, основывается на особой внутренней позиции эфирного тела (сегодня вы имели случай познакомиться с этим). При помощи эвритмии мы видим на какой позиции эфирного тела основывается гласный звук «А», ибо эта позиция может быть перенесена на физическое тело, и тогда мы получаем эвритмический жест для звука «А».

У Раймунда Луллия не было полной ясности в этом вопросе, всё оставалось только в предчувствии. Но в своём предчувствии он заходил так далеко, что внутреннюю позицию, внутренний жест человека он как бы проецировал на космос. Например, он

взгляд на созвездие Льва, а затем на созвездие Весов, то на пересечении этих двух направлений возникает звук «А». Если ты направляешь взгляд на Сатурн, то он является мишенью твоего взгляда. И когда Сатурн, к примеру, находится перед созвездием Овна, то ты должен вместе с Сатурном обернуться вокруг Овна. И тогда из космоса к тебе приходит ощущение звука «О».

Исходя из таких предчувствий Раймунд Луллий нашел определенные фигуры, в углах и по сторонам которых он писал буквы. И ему стало ясно: если исходя из собственных ощущений провести внутри этих фигур определенные линии, чтобы при помощи диагоналей и т.п. связать буквы *a*, *b*, *c*, *e*, *e* в пятиугольнике (все это представлено на рисунке только схематически), то получится определенная связь букв, которая выражает некие тайны Вселенной, тайны космоса.

Таким образом, Раймунд Луллий пытался реставрировать тайны Логоса, приводя их к тому виду, который они имели в древних Мистериях. А вот это как раз и не отражено в исторических документах. Но когда постепенно приходишь, так сказать, к личному отношению к Раймунду Луллию, то обнаруживаешь, что таким образом он пытался заново раскрыть тайну Мирового Слова. И такие устремления были свойственны ученикам средневековых посвященных еще несколько столетий. Это был нелегкий труд — сначала погрузиться в человека, а затем благодаря этому погружению снова вознестись от человека к тайнам космоса.

Вот каким образом пытались эти мудрецы связать Откровение и природу. И они верили (причем многое, во что они верили, было глубоко обоснованным), что таким образом можно проникнуть по ту сторону религиозного Откровения и по ту сторону откровения природного. Ибо им было ясно, что человек, такой, каким он жил на земле в их эпоху, был предназначен стать четвертой Иерархией, но в результате грехопадения опустился ниже уровня своего существа и погрузился в физическое бытие глубже, чем следовало. Так что он не имел больше сил, пребывая в низинах, должным образом развивать своё духовно-душевное начало. Из такого устремления связать Откровения и природу и возникло затем розенкрейцерское течение.

Сцены, которые я вам сегодня описывал — на горной вершине и в расщелине земли — имели место в розенкрейцерском учебном центре (в первом, изначальном розенкрейцерском центре), причем они имели вид временного миража, они, если можно так выразиться, возникали как призраки, как видения в пределах розенкрейцерского учебного центра. В результате человек узнавал, что должен достигнуть двоякого, чтобы прийти к подлинному самопознанию, снова соответствовать смыслу земли, дабы сделаться действительно частью четвертой Иерархии. Ибо исходя из того, что было возможно внутри розенкрейцерской школы, человек

познавал, что происходило с учеником, когда он на самом деле видел перед собой дух собственной юности. В нем происходило высвобождение астрального тела — гораздо более сильное, чем это возможно в других обстоятельствах человеческой жизни. И в этом высвобождении астрального тела он постигал смысл Откровения. И опять-таки в этой розенкрейцерской школе становилось понятно, что происходило с учеником в глубинах земли. Там астральное тело целиком втягивалось внутрь, так что ученик воспринимал тайны своего собственного внутреннего состава. И тогда розенкрейцеры использовали экзерсисы, которые были относительно просты и заключались в отдаче всей своей души определенным символическим фигурам, на которые человек медитировал. Благодаря силе, которую обретала человеческая душа, погружаясь в такие фигуры, достигалось, с одной стороны, высвобождение астрального тела, что было сродни восхождению ученика на вершину горы, в эфирные выси, а с другой стороны, когда астральное тело втягивалось, устремлялось вовнутрь, это было похоже на нисхождение ученика в расщелину земли. И открывалась возможность проникнуть в человеческое внутреннее, даже если не было соответствующего внешнего окружения — исключительно путем энергичных внутренних упражнений.

Итак, как видите, я вам описываю то, что было только едва намечено в новом предисловии к последнему изданию моей «Мистики на заре современной духовной жизни». Там говорится: то, что мы находим у Майстера Экхарта, Иоганна Таулера, у кардинала Николая Кузанского, у Валентина Вейгеля и других, — только поздний продукт предшествующего мощного первоначального устремления людей. И это первоначальное устремление людей, которое предшествовало Майстеру Экхарту, Иоганну Таулеру и другим, это конкретное стремление к духу, и было целью исканий (ради самопознания в связи с Откровением и природой) тех людей, которых мне хотелось сегодня вам описать. Это было духовное течение, которое в так называемую эпоху темного Средневековья (хотя и на самом-то деле в темноте пребывает современный человек, фантазирующий о ней) было представлено поистине просветлёнными умами, причем настолько просветлёнными, что самые блистательные современные умы не могут их постигнуть, и потому они представляются тёмными. И выходит, что такое отношение скорее характеризует современную эпоху, когда светлое представляется тёмным, а тёмное — светлым.

Когда заглядываешь в подосновы того, что в документах предстаёт как отблеск той эпохи, возникает поразительно мощное впечатление. Часть этой картины мне хотелось описать вам сегодня; часть, недостающую для полноты, я представлю вам завтра.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 6 января 1924 года

Я говорил вам вчера о той своеобразной форме, которую в Средние века принимало сообщение духовнонаучных результатов исследования. И эта форма, в сущности, была последней перед тем, как для духовного развития человечества закрылись врата, которые оставались открытыми в течение столетий — доступ в духовный мир, полученный благодаря природной одаренности. Причем эти врата были заперты к тому времени, когда люди с их безыскусными способностями должны были быть исключены из сферы волеизъявления божественно-духовных существ, дабы во внутреннем, в сфере собственной воли изыскать возможность развивать в своей душе свободу, осознанную свободу. Но ход развития совершается медленно и постепенно. И достигавшееся уже не в форме древних Мистерий, а в форме восхождения к эфирным высям и нисхождения в расщелины земли — то есть несколько искусственно вызванным переживанием природы, — отныне выступило перед человеком в более бессознательной форме. Представьте себе положение личностей, стремившихся к познанию примерно в 1200 году и последующем XIII Столетии, до которых, естественно, доходили вести, что ученик мог в короткое время найти учителя, вроде того, о котором я говорил вчера, — представьте себе, каково было им: ведь до них еще доходили такие вести и было указано, что с этих пор познание может быть достигнуто только при помощи человеческого мышления.

Мы видим, как в последующие времена Средневековья развитие человеческого мышления происходит в поистине впечатляющем масштабе. Мы видим выступление человеческого мышления, которое исходит из внутреннего рвения, из действительной самоотдачи всей души человека. Таков был по преимуществу путь более широких кругов людей, ищущих познания. Но и духовнонаучное в узком смысле слова тоже продолжало развиваться. И через немногие столетия наступила эпоха, когда было основано розенкрейцерство, которое повлекло за собой изменения во всём духовном мире, охватывавшие собою всех. И опять-таки, лучше будет, если я это изменение опишу вам в образной форме.

После указанного мной момента Мистерии — такие, какими они были изначально — более были невозможны; но люди, алкавшие познания в духе этих древних Мистерий и переживавшие тяжелую душевную борьбу, слыша о восхождении на гору и о нисхождении в расщелину земли, стали развивать в своей душе всевозможные внутренние методы, напрягаясь душой в поисках пути. Кто может прозреть эти вещи, видит, как было сказано, уже не центры Мистерий, а места собраний таких устремленных к познанию людей, окутанные теплой атмосферой благочестия. И всё последующее, известное как добротное розенкрейцерство, а также выродившееся, шарлатанское розенкрейцерство, восходит к таким людям,

которые в простом братском общении пытались настроить свою душу на тот строй, который мог еще позволить прийти к реальному духовному познанию. И в такого рода собраниях в поистине непретенциозном окружении, в простом помещении какого-нибудь замка, немногочисленные участники при помощи общих экзерсисов — наполовину мыслительно-медитативных, наполовину молитвенных — совместно развивали своего рода мистическое настроение — то мистическое настроение, которому затем уделяли так много внимания в так называемых Братствах совместной жизни *16, а позднее практиковали приверженцы Яна Каменского *17 и члены других братств. Но с особой силой этим настроением были отмечены маленькие кружки. И когда с подлинным отстранением обыденного сознания, жертвуя всем своим интеллектом ради интенсивного мистического настроения, эти люди пребывали совместно, то случалось, что к ним приступало некое существо, но на этот раз существо, не имевшее плоти и крови, как тот учитель, который вел своего ученика на гору, а затем в расщелину земли, а существо, которое этой маленькой общине могло предстать только в эфирном теле. И это существо заявляло себя как тождественное тому, что в 1200 году водительствоваало своим учеником. Оно пребывало уже в посмертном состоянии, спускаясь из духовного мира к этим людям, соединенным их благочестиво-мистическим, медитативно-мыслительным настроением.

Во избежание недоразумений я настоятельно подчеркиваю: при этом не привлекались никакие медиумические силы, ибо как раз в этой маленькой общине, принадлежавшей к древней почитаемой традиции, любое применение медиумических сил, любой призыв к медиумическим проявлениям, рассматривалось как глубоко греховное. Именно в этой общине медиумизм и всё родственное ему рассматривалось не просто как вредоносное, а в высшей степени греховное по той причине, что было известно об особой конституции людей — вплоть до физической — практиковавших медиумизм: медиум отдавал свои духовные силы физическому телу, а физическое тело рассматривалось как подпавшее первородному греху, так что любые сообщения, полученные при помощи медиумических сил, рассматривались как ариманические или люциферические. В те времена еще существовало точное знание этих вещей, и члены этой общины избегали всего медиумического. В ней, напротив, господствовало мистико-медитативное настроение; и то возрастание мистико-медитативного настроения, которое являлось результатом совместных усилий этих душ, было инструментом, при помощи которого по собственной воле те развоплощённые люди — существа чисто духовные, что не мешало им, однако, оставаться людьми — вступали в этот круг.

И такой развоплощённый мудрец торжественно возвещал: хотя вы не готовы к моему появлению, но я пребываю среди вас — в развоплощённом состоянии, то есть вне физического тела, — ибо настал момент, когда древние посвященные на короткий период времени в эволюции Земли не могут являться в физическом теле. И такой период повторится вновь, когда начнётся эпоха Михаила. Я к вам явился, чтобы принести весть о том, что человеческая природа осталась неизменной, что если внутреннее человека правильно настроено, то оно может найти путь

к божественно-духовному бытию. Но в течение определенного периода времени до наступления этой эпохи человеческий разум будет подавлен, дабы духовное могло говорить человеческой душе. Потому пребывайте в вашем благочестиво-мистическом настроении. Я могу только указать, давая общую имажинативную картину, на то, что с вами произойдет, но пережитое будет иметь дальнейшее продолжение.

И, заметьте, трое из собравшегося круга были действительно предназначены для того, чтобы вступить в особую связь с духовным миром, но опять-таки без помощи каких либо медиумических сил, а через развитие этого благочестивого мистико-медитативного настроения. У тех трёх, которые подлежали особой опеке со стороны других членов этого круга (они действительно подлежали внутренней опеке), проявлялся такой симптом — время от времени они переживали своего рода отсутствие индивидуального духа. Что касается их внешности, она делалась необыкновенно привлекательной — они преображались — взор сиял как солнце, и в этот период времени они могли начертать символическое откровение, полученное ими в духовном мире. И такие символические откровения и были самыми первыми фигурами, в которых розенкрейцерам сообщалось то, что им надлежало знать о духовном мире. В этих символических откровениях содержались своего рода философия, теология и медицина.

При этом обнаружилось нечто примечательное: остальные участники (их было четверо, поскольку в общине было семь человек) могли передать обычными словами символы, полученные от этих трёх братьев, чьи глаза сияли как солнце, а лица светились. Братья, призванные донести эти символы из духовного мира, могли только начертать их и, возвращаясь к обычному состоянию сознания, рассказывали лишь то, что скитались среди звезд и звездных духов и нашли древних учителей тайного знания. Но они не могли самостоятельно перевести эти символические фигуры на человеческий язык. А другие могли, и делали это. Многие из того, что позднее перешло отчасти в философско-теологическую (но не в церковно-теологическую, а в профанную, светско-теологическую), а отчасти в медицинскую литературу, восходит к названному источнику. В маленьких кружках, организованных первыми розенкрейцерами, и распространялось духовное содержание этих символов.

Возможности такого переживания снова и снова появлялись в маленьких кружках в XIII—XV столетии. И многое из духовного мира в то время было открыто людям этим или подобным образом. Однако то, что было явлено в этих символических фигурах, не всегда удавалось верно передать. Вот почему многое из философии тех времен, что дошло до нас, не отмечено особой ясностью, и приходится истинное значение дошедшего заново искать в мире духа. Но возможность примкнуть к такому откровению духовного мира для тех, кто знал о его существовании, не прекращалась.

Наверное, вы уже представили себе, насколько странным должно было быть настроение людей, получивших высочайшие познания (ибо таковыми надо признать поступавшие к ним познания) из сферы, в которую они не были вхожи, поскольку не располагали прозрением в тот

мир, откуда к ним приходили эти тайные знания, — ведь обычное сознание не дотягивается до этой сферы. У окружающих, естественно, возникало подозрение в шарлатанстве и даже в жульничестве. И не было в развитии человечества такой эпохи, когда жульничество и высочайшее откровение стояли бы так близко, как в те времена. В том времени трудно отделить истинное от ложного, вот почему многим всё розенкрейцерство представляется полным шарлатанством. Причина того, что эта тема выглядит настолько сомнительной (ведь истинных розенкрейцеров необычайно трудно найти и отделить от шарлатанов), коренится в том, что духовное откровение проистекает из источников, которые изначально, по своей природе, должны оставаться скрытыми.

И те, кого первые розенкрейцеры постепенно собрали в более многочисленные братства, всегда выступали в качестве Неизвестных, появляясь здесь и там в мире, по условиям того времени, по большей части в качестве врачей, которые, исцеляя больных, одновременно распространяли свои знания. В те времена было распространено великое множество знаний, процесс этот был несколько вымученным, неуместным, ибо люди, их распространявшие, совершенно не могли раскрыть характер своей связи с духовным миром.

Внутри этого устремления к духовному исследованию, к духовному познанию, возникало и нечто еще. Ведь это необыкновенно прекрасно: в общине есть трое братьев и еще четверо; то, что могут предложить миру трое братьев, было бы совершенно бесполезным, если бы с ними не сотрудничали четверо остальных. Все они безусловно связаны друг с другом. Трое получают откровения из духовного мира, а четверо могут их перевести на обычный человеческий язык. И то, что сообщают эти трое, так и осталось бы совершенно непонятными образами, если бы четверо других не могли их перевести. И опять-таки, этим четверым не было бы что переводить, если бы те трое не получали откровения из духовного мира в образной форме.

Благодаря этому внутри подобных общин образовывалось внутреннее душевное братство — братство в познании, братство в духовной жизни, то, что в эти столетия в определенных кругах рассматривалось как высшее выражение гуманизма. Такие маленькие кружки благодаря своим устремлениям учились познавать реальную ценность братства. Постепенно они всё сильнее ощущали, что развитие человечества к свободе происходило таким образом, что связь между человеком и богами была бы полностью разорвана, если бы не поддерживалась такими братствами, члены которых действительно были связаны друг с другом.

Когда описываешь это, то перед мысленным взором предстаёт нечто необычайно прекрасное в душевном отношении. И на многом, что писалось в те времена, лежит печать волшебства, которая становится понятной, если знаешь, что эти писания погружены в атмосферу человеческого братства, которое охватывало в те времена духовную жизнь многих кругов Европы. Но всё в целом (и это обнаруживалось всё больше и больше) у тех, кто таким путем стремился к познанию, окутывало настроение, которое было порождено определенными опасениями окружающих. Поскольку источник духовного откровения был сокрыт, то в конечном

счете невозможно было точно знать природу этого откровения — злое оно или доброе. И боязнь неопределенных влияний давала себя знать наряду со всем хорошим, что проявлялось в этом течении в описываемые времена. Эта боязнь затем распространялась на широкие круги населения, люди испытывали сильный страх перед любым познанием.

Это настроение легче всего проследить на двух примерах. Так, человек, живший в XV веке, родившийся примерно в 1430 году Раймунд из Сабунды ***18**, был примечательной личностью. Когда углубляешься в его мысли, в его наследие, то испытываешь чувство, что это почти то же самое откровение, которое передавал в 1200 году на горе и в земной расщелине учитель своему ученику, причем полностью осознанное. А с другой стороны, у Раймунда из Сабунды всё в целом проникнуто неопределенной и безличной манерой выражения — философского, теологического, медицинского рода. Это обусловлено тем, что он получил своё откровение через истинное розенкрейцерство, но окольным путем, который был открыт великим посвященным XII столетия, чью деятельность я вам уже описал, и который продолжал инспирировать из духовного мира всё то, о чем говорилось сегодня. Ибо, в сущности, от него и от тех, кто пребывал вместе с ним в духовном мире, исходили все откровения, явленные затем через розенкрейцерство, как я это уже описывал. Именно они создавали настроение. Но такого рода духи одновременно вызывали и страх. А Раймунд из Сабунды был мужественным, храбрым умом — одним из тех, кто умел ценить идеи и знал, как жить в идеях. Поэтому в нем можно было заметить некую странность, связанную с тем, что в нем незаметно было никакой боязливости, познавательной боязливости, хотя откровения приходили из неопределенного духовного мира. Еще более характерным образом появлялось то, что исходило из этого духовного течения у другого ума XV столетия — у Пико делла Мирандолы ***19**.

Рано умерший Пико делла Мирандола был весьма примечательным мыслителем. Когда углубляешься в его мысли, в его идеи, то во всем находишь следы тех самых инспираций, которые я охарактеризовал: последовательное развитие мудрости тех самых старых посвященных, но окольным путем, через розенкрейцерство. При этом у Пико делла Мирандолы можно заметить как бы некое отступление от этого познания. Например, он уверяет, что всё происходящее на земле — возникновение камней, растений, их жизнь, рост и плодоношение, жизнь животных, — всё это не зависит от сил земли. И если кому-нибудь хочется верить, что это произведено землёй и её силами, то это ложное воззрение. Правильное воззрение, согласно Пико делла Мирандоле, состоит в том, что существуют звезды, и всё происходящее на земле зависит от них. Любое самое незначительное событие, происходящее на земле, согласно Пико делла Мирандоле, по влиянием звезд. Если хочешь постигнуть происходящее на земле, необходимо обращать свой взор к небу. И в духе Пико делла Мирандолы будет сказать: ты протягиваешь руку своему собрату по человечеству, но не Твоё благорасположение является причиной того, что ты протягиваешь ему руку, — над тобой находится звезда, которая побуждает тебя протянуть руку.

В конечном счете буквально всё имеет свой источник в небесном, в

космическом, а происходящее на земле — только его отблеск.

Это было твердым убеждением Пико делла Мирандолы, который в то же время говорил: люди обязаны искать причины не в сфере звезд, а в ближайшем окружении на земле. И отстаивая эту точку зрения, Пико делла Мирандола боролся (и это весьма характерно) с бытовавшей астрологией. Он знал, что древняя, настоящая, подлинная астрология выражается в человеческих судьбах. Это он признавал, это он считал истиной, но говорил, что человеку не следует заниматься астрологией: во всём надо искать только ближайшие причины.

Понимаете, что за этим кроется? За этим кроется идея о границах познания (высказанная впервые и весьма своеобразным образом), но, если можно так выразиться, в совершенно гуманистической форме. То, на что позднее указывали Кант ***20** и Дюбуа-Реймон ***21**, было ими сформулировано так: человек не может пересечь границы познания, это обусловлено определенной внутренней необходимостью. У Пико делла Мирандолы в XV веке дело обстоит не так, он говорит: да, всё происходящее на земле определяется космическими причинами, но человек должен отказаться от познания этих причин. Он должен ограничиться земным. Так столь характерная личность, как Пико делла Мирандола, в XV веке добровольно отказывается от высшего познания. Это культурно-исторический факт, значение которого трудно переоценить — люди отказывались от познания. Причем то, что внешним образом происходило в таких личностях, как Пико делла Мирандола, имеет, в свою очередь, противополож в спиритуальном.

Во второй половине XV столетия в каком-нибудь непритязательном жилище, где собирались розенкрейцеры для совершения культового действия, которое производилось исключительно для этой цели, в самой торжественной форме приносилось в жертву познание мира звезд, высшее познание. Можно сказать, что это особо торжественное культовое действие заключалось в следующем: люди становились перед своего рода алтарём и говорили, что хотят чувствовать ответственность не только за самих себя, или свою общину, или свой народ, или современное человечество, но хотят чувствовать себя ответственными за всех людей, которые когда-либо жили на земле. Они хотели чувствовать себя членами всего человеческого рода. Они знали, что человечество утратило ранг четвертой Иерархии, слишком глубоко спустившись в материю — так они понимали грехопадение. Вот почему на некоторое время необходимо было пожертвовать высшим познанием, дабы человечество однажды могло вернуться к своему рангу четвертой Иерархии и уже на основании свободной воли обрести то, что некогда составляло замысел богов в отношении людей. И определенные существа духовного мира — не человеческой природы, не спускавшиеся на землю в человеческой инкарнации — принимали названную жертву ради достижения известной цели в духовном мире, о которой мы поговорим в другой раз, ибо обсуждение этого вопроса сегодня завело бы нас слишком далеко. Но зато для людей стал доступен импульс свободы, исходящий из духовного мира.

Я привёл вам эту сцену культового действия потому, что хотел показать: всё, происходящее во внешней чувственно-физической жизни,

имеет свой духовный противоположный образ, но искать его надо на соответствующем уровне. Ибо бывает, что какое-то единичное культовое действие (которое в данном случае осуществлялось нельзя сказать чтобы знающими, но личностями, стоящими в связи с духовным миром) означает нечто, из чего исходит импульс для целой культуры или цивилизации. И тот, кто хочет ощутить колорит определенной эпохи, должен отыскать духовный исток тех сил, которые пронизывают именно эту эпоху.

Вся последовавшая духовная продуктивность была только отзвуком такого творческого проявления, исходившего из сокровенного духовного мира; и на фоне того, что вплоть до XIX века развивалось во внешнем материалистическом движении, всегда можно было обнаружить отдельные умы, которые несли отголосок описанного отказа от высшего познания.

Мне хотелось бы описать вам, пусть в самых общих чертах, тип человека, который встречался начиная с XV века и вплоть до XVIII столетия. Тип человека, которого можно было встретить в какой-нибудь деревне в должности собирателя трав для аптеки либо в какой-либо иной неприметной должности. Представьте себе такую личность — ее можно распознать, если сам питаешь особый интерес к душевному строю людей. Поначалу такая личность необычайно замкнута, немногословна и не торопится раскрывать то, что в ней ищут, скрывалось под маской намеренно тривиальных, пустых разговоров, создавая впечатление, что не стоит труда общаться с ней. И когда догадываешься обратить внимание не столько на содержание слов, но на их звучание, на их интонацию, начинаешь всё больше прислушиваться к такому человеку. И только когда он, руководствуясь определенными кармическими связями, приходит к выводу, что может открыться, он начинает осторожные речи, и ты обнаруживаешь, что имеешь дело со своего рода мудрецом. То, что он говорит, не является звёздной мудростью, но, вместе с тем, сказанное им — и не земная Мудрость. В этих речах вообще содержится мало того, что теперь зовётся духовной наукой, но это всегда слова от доброго сердца, моральные, указывающие на чистую широкую душу, слова, лишённые сентиментальности и облеченные скорее в форму поговорок.

От такого человека можно услышать что-то в роде: подойдём к этому дереву. Моя душа способна проникнуть в каждую иголочку, в каждую шишечку, ибо она находится во всём. Когда она проникает в шишечки, в иголки, она смотрит в мировые глубины и в мировые дали и становится единой со всем миром. И такое единение со всем миром и есть истинное благочестие. Где Бог? Бог в каждой шишечке. И кто не узнаёт Бога в каждой шишечке, кто ищет Его в каком-то другом месте, тот не узнает истинного Бога. Я хотел только охарактеризовать манеру изъясняться у этих людей, которых можно было обнаружить описанным образом. Так они выражались. Они говорили еще и так: когда человек проникает в еловые шишечки и иголки, тогда-то он и узнаёт, как Бог радуется человеку в мире. Когда же человек спускается в самую глубину сердца, в бездну своей внутренней природы, то и там он находит Бога, но тогда человек узнаёт, насколько Бог скорбит о его грехах.

Вот так говорили эти непритязательные святые. У многих из них имелось, выражаясь современным языком, издание древних

розенкрейцерских фигур. Это проявлялось в их манере выражаться. Когда заходил разговор именно об этих фигурах, которые публиковались в совершенно непретенциозных изданиях, часто плохо отпечатанных, то беседа принимала весьма примечательные формы: и несмотря на интерес к самим этим непритязательным мудрецам, многие не могли преодолеть любопытства по поводу значения этих примечательных розенкрейцерских символов. Но в ответ на свои вопросы они не получали от этих чудаковатых мудрецов прямого, точного ответа, а только указание, что при помощи этих фигур, если углубиться в себя, можно, как через окно, заглянуть в духовный мир. Они делились по большей части эмоциональными переживаниями, а отнюдь не истолкованиями или интерпретациями этих фигур. И подчас, слыша эти личные излияния чувств в связи с любопытными фигурами, человеку трудно было собраться с мыслями, ибо сообщаемое вовсе и не было мыслями. Но это оказывало впоследствии необыкновенно мощное воздействие, и человек уносил в своей душе не только утешение, но и уходил с чувством, что получил некое знание, что оно живёт в нем, но только он не может перевести его в понятия.

Таков был один из путей — наряду с другими, описанными мной, — на котором с XIV—XV и до конца XVIII столетия на эмоциональном уровне в широких кругах возвещались и распространялись человечность и духовность. И нельзя сказать, чтобы это делалось без слов, но точно без идей, хотя это не значит, что без содержания. В ту эпоху многое среди людей творилось в немоте мыслей. И невозможно составить правильного представления о характере той эпохи, если не знаешь, сколь многое творилось в немоте мыслей, когда люди обменивались душами, а не просто словами.

Всем этим я хотел прибавить несколько штрихов к характеристике той переходной эпохи, когда среди людей постепенно распространялась свобода. В ближайшее время я еще вернусь к освещению этой темы с разных сторон. Мне хотелось, добавив отдельные штрихи, присоединить сказанное к тому, что я уже сообщал во время Рождественского собрания, а также продолжить тему.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 11 января 1924 года

Мне предстоит кое-что прибавить к уже здесь сказанному. Я попытался представить ход духовного познания на протяжении столетий и ту форму, которую оно приняло в новейшее время. Я имел возможность представить вам, как примерно с XV столетия и вплоть до конца XVIII-го, даже до начала XIX-го ход познания, прежде протекавший в конкретных, хотя и инстинктивных формах, в указанное время преимущественно проявил себя скорее в эмоциональной отдаче духовному миру.

Мы видели, что в XI—XIII столетиях всецело наличествовало реальное познание природы, познание проявлений духовного мира в природе. Мы можем это обнаружить у таких личностей, как Агриппа Неттесгеймский *22, которого я описывал в книге о мистике. Он еще был пронизан знанием того, что, например, на планетах нашей Солнечной системы имеются определенного рода духовные существа. В своих писаниях Агриппа Неттесгеймский описывает для каждой отдельной планеты то, что он называет разумом, интеллигенцией, а также то, что именует демоном планеты. Это указывает на сохранившуюся традицию древних времен, которая тогда еще не была выхолощена. Для такого мыслителя, как Агриппа Неттесгеймский, было совершенно невозможно созерцать какую-нибудь планету подобно позднейшей астрономии и нынешней Внешняя сторона планеты и вообще видимое светило было чем-то вроде возвещения о духовных существах, на которых покоился душевный взор, когда человек устремлял своё око в направлении этой звезды. Агриппа знал, что существа, связанные с определенной планетой, управляют ее внутренним бытием, но также регулируют и ее внешнее движение во Вселенной, а это связано со всей деятельностью данной планеты. И всему сонму этих существ Агриппа даёт наименование «интеллигенция планеты».

Но ему было также известно, как из планеты исходят и влияют на неё, если можно так выразиться, могильщики добрых деяний планетарных существ. И этим духам-могильщикам он давал обобщенное наименование «демона планеты». И такого рода воззрения в те времена всецело были связаны с тем, что и, сама Земля рассматривалась как такое же мировое тело, имеющее собственную интеллигенцию и собственного демона. Но самое существенное в планетарной демонологии и в учении о планетарной интеллигенции постепенно было полностью утрачено, ибо это существенное выражали следующим образом.

Землю, как и другие планеты, естественно, считали руководимой в её внутренней деятельности, в её движении в космосе суммой интеллигенции, которую можно было обобщенно называть интеллигенцией планеты Земля. Но кто же представлял интеллигенцию планеты Земля? В наше время необычайно трудно вести разговор о подобных вещах, ибо представления о них сильно удалились от того, что в описываемые времена представлялось для прозорливых людей самоочевидным. Интеллигенцией

планеты Земля был человек как таковой. Человека рассматривали как существо, которому мировая духовность поручила не просто, как думают наши современники, передвигаться по земле или ездить по железной дороге, продавать и покупать товары, писать книги и тому подобное, но и регулировать, приводить в порядок, закономерно влиять на всё, что связано с положением Земли в космосе. Человека рассматривали как существо, которое благодаря сокрытым в его существе силам, импульсирует Землю в её движении вокруг Солнца, в её последующем движении в мировом пространстве.

В те времена еще наличествовало ощущение, что человеку некогда было предназначено

мировой духовностью действительно быть господином Земли, но в своем развитии он не дорос до выполнения этой задачи и был низвергнут со своих высот. В наше время, когда речь заходит о познании, редко встретишь отзвук таких воззрений. Все религиозные концепции первородного греха, в конечном счете, сводятся к этому представлению. Ведь в них речь идет о том, что первоначально человек занимал совершенно иную позицию на Земле и во Вселенной, чем сейчас, что он был низвергнут со своей высоты. Но если не принимать во внимание религиозные воззрения, то в той сфере, где человек стремится методическим образом приобретать познания, в наше время существуют только слабые отзвуки древних, основанных на инстинктивном ясновидении, знаний об уникальной задаче, возложенной на человека, и о его низвержении в замкнутость в столь узких пределах, столь характерную для настоящего времени.

Еще и в наши дни можно, к примеру, завести разговор с той или иной личностью (я рассказываю реальные вещи), более глубокомысленной, более прозорливой, располагающей более глубокими знаниями в духовной сфере, о том, действительно ли человек современности может быть независимым существом, замкнутой монадой. Такая личность, наверное, сказала бы: этого не может быть. Человек по своей природе должен быть всеобъемлющим существом, иначе в нем не могли бы возродиться заложенные в нем некогда устремления, иначе он был бы неспособен на тот высокий идеализм, который подчас проявляется у лучших представителей человеческого рода. Но претерпев некое космическое грехопадение, человек ограничился современным земным бытием, так что в наше время он как бы посажен в клетку.

Конечно, такие воззрения еще можно изредка встретить среди наследников древних традиций. Но в целом, где же теперь среди тех, кого считают учеными, те, кто серьезно бы занялся этим всеобъемлющим вопросом, а ведь его решение, в конечном счете — единственное, что действительно способно придать человеческому бытию подобающее достоинство?

Итак, некогда человека рассматривали как носителя интеллигенции Земли. Но такие личности, как Агриппа Неттесгеймский, приписывали Земле и некоего демона. Этот демон Земли — по воззрениям XII—XIII веков — был существом, которое могло стать на Земле тем, чем оно и стало,

только благодаря использованию человека в качестве своего инструмента.

И если вы хотите в этом разобраться, надо ознакомиться с тем, как в прошлые времена представляли себе отношение Земли к Солнцу или, можно сказать, отношение земного человека к Солнцу. Чтобы охарактеризовать воззрения того далекого времени на эти взаимосвязи, мне придется опять прибегать к образам, ибо такого рода вещи не укладываются в абстрактные понятия. Ведь сама эпоха абстрактных понятий началась позднее, и при помощи абстракций невозможно объять действительность, так что приходится прибегать к образам.

Отправным пунктом становления человека является Солнце (после того, как оно отделилось от Земли, или Земля отделилась от него; это описано в моём «Очерке тайноведения»), ведь человек, начиная со старого Сатурна, был связан со всей планетарной системой, включая Солнце. Родина человека не на Земле, земное бытие для него — нечто преходящее. Согласно древним воззрениям, человек, в действительности — солнечное существо. Всем своим бытием он связан с Солнцем. И, будучи солнечным существом, на Земле он должен пребывать иначе, чем это есть на самом деле. Ему надлежало бы пребывать на Земле таким образом, чтобы она могла удовлетворить свою тягу произвести из минерального и растительного царств эфирную форму человеческого семени, которое должен был оплодотворить солнечный луч. В результате мог возникнуть эфирный облик человека, воспринимающий физическую, земную материю исключительно благодаря своему собственному, определяемому изнутри, отношению к ней. Итак, современники Агриппы Неттесгеймского (в творчестве самого Агриппы, к сожалению, прослеживалась определенная деградация этого учения), лучшие из его современников, были того мнения, что человек не предназначен для того, чтобы рождаться земным, как это происходит на Земле, а ему должно рождаться в эфирном теле благодаря взаимодействию Солнца и Земли и только затем, странствуя по Земле в качестве эфирного существа, принимать свой земной облик. Семя человека должно было возрасти на Земле в вегетативной чистоте, пребывая в своем эфирном облике как смутно поблескивающее порождение Земли, затем, в определенное время года его должен был заливать солнечный свет, и благодаря этому оно должно было принять эфирный облик человеческой формы.

Всё, что появилось позднее, появилось потому, что человек взрастил в себе слишком глубокую тягу, слишком интенсивное вожделение к материально-земному. Вот почему он утратил взаимосвязь с Солнцем и Космосом и смог обрести на Земле лишь бытие в рамках наследственности. По этой причине демон Земли смог приступить к своей работе, ибо с людьми, рожденными Солнцем, демон земного не смог бы совладать. Зато человек, вступивший на Землю, действительно сделался 4-ой Иерархией. Поэтому когда речь шла о человеке, надо было всегда говорить так: первая Иерархия — Серафимы, Херувимы, Престолы; вторая Иерархия — Власти, Силы, Господства; третья Иерархия — Ангелы, Архангелы, Архаи; четвертая Иерархия — сам человек с его трёхступенчатой структурой человечества *23, но именно в ранге четвертой Иерархии. Благодаря тому, что человек явил преимущественную тягу к физическому, он не стал

подножием лестницы Иерархий, а сделался вершиной, высшим уровнем царств земной природы: минеральное царство, растительное царство, животное царство, человеческое царство» Так в те времена представляли положение человека.

Из-за того, что человек не осуществил своей задачи на Земле, Земля не смогла занять достойного положения в Космосе. В силу своего падения человек не стал царём Земли. И что же получилось в результате? У Земли нет истинного царя, так возникла необходимость в том, чтобы положение Земли в Космосе определялось не ею, а Солнцем, на Солнце возложены те задачи, которые, собственно, должна была решать Земля. Поэтому взирая на Солнце, средневековый человек знал: Солнце одарено определенными интеллигенциями, которые обуславливают движение Земли в Космосе и контролируют все на ней происходящее. Но ведь это, по сути, функция человека. Солнечные силы должны воздействовать на земное бытие через человека. Так возникло важное представление средневекового человека о том, что Солнце — неправомерный князь мира сего.

А теперь подумайте только, мои дорогие друзья, какую неисчерпаемую глубину для средневекового человека приобретает благодаря такому представлению Импульс Христа. Христос становится Духом, который не может продолжать свою миссию на Солнце, который не захотел оставаться среди тех, кто неправомерно извне управлял Землей. Он решил низойти с Солнца на Землю, чтобы разделить судьбу человека и судьбу Земли, участвуя в земных событиях и в земном развитии. Вот почему для средневекового человека Христос был уникальным Существом, Которое, пребывая в Космосе, пожелало спасти миссию человека на Земле. Теперь вы понимаете взаимосвязь, ибо вам теперь становится понятным, почему в эпоху розенкрейцерства ученику постоянно говорили: «О, человек, ты совсем не то, чем ты являешься. Надо было прийти Христу и взять на себя твоё предназначение, чтобы выполнить за тебя твою миссию».

В «Фаусте» Гёте многое проистекает из представлений раннего Средневековья, хотя сам Гёте этого и не понимал. Вспомните сцену заклинания Фаустом духа Земли. Если знать эти средневековые представления, то поистине глубоко переживаешь слова духа Земли, которого заклинает Фауст:

Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я — океан,
И зыбь развития,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,

Ибо кого, собственно, заклинает Фауст? Не вызывает сомнения, что когда Гёте писал «Фауста», он не знал этого доподлинно. Но если мы от «Фауста» Гёте обратимся к средневековому Фаусту, станем внимать этому средневековому Фаусту, в котором жила розенкрейцерская мудрость, это позволит нам понять, каким образом мог средневековый Фауст, в свою очередь, хотел осуществить такое заклинание. Но кого же хотел он заковать под видом земного духа? Он вовсе не говорит о земном духе — он говорит о человеке. Стремление средневекового человека заключалось в том, чтобы быть человеком, ибо он остро чувствовал, что в качестве земного человека он как раз человеком и не является. Каким образом может человек вновь обрести своё достоинство? И то, как Фауст остаётся отвергнутым земным духом, есть отзвук того, как человек в своём земном обличье остаётся отвергнутым своим собственным существом. В Средние века постижение этого многим случаям обращения в христианство придавало необычайно глубокий характер — люди стремились вернуть себе утраченное человеческое достоинство, но вынуждены были сомневаться (причем закономерно сомневаться), что в физически земной жизни им удастся возродить в себе истинное человеческое достоинство. Из чего они делали вывод: надо отказаться от стремления к человеческому достоинству — земной человек должен предоставить Христу осуществление миссии Земли.

В те времена, когда, если можно так выразиться, еще существовало такое сверхличное и одновременно личностное отношение к человеческому достоинству и ко Христу, духовознание, созерцание в духе были еще вполне реальными. Они ещё составляли содержание личного переживания. В XV столетии это почти полностью прекратилось, и произошел перелом, который, собственно, никем не был разъяснён.

Но для посвященных в эти вещи в XV— XVI столетиях и даже позже существовали уединенные, едва ли известные миру розенкрейцерские школы, где не прекращалось воспитание немногочисленных неопитов, где неустанно поддерживали священную традицию. О сути этой священной традиции я и хотел бы вам сейчас рассказать.

Итак, допустим, неопит приходит в такое уединённое место, чтобы получить подготовку. Для начала ему будет преподана так называемая система Птолемея в том её истинном виде, в каком она дошла по традиции с древних времен, а не так, как её представляют в наше время, то есть как некий пройденный этап. Ему показывали, что фактически Земля несёт в себе силы, позволяющие ей самостоятельно определять свою траекторию в мировом пространстве. Это следовало из правильного представления птолемеической системы: Земля для человека составляла центр Вселенной, движение остальных светил по своим орбитам управлялось Землей. И тогда ученик понимал: если действительно изучить то, что составляет лучшие силы Земли, то невозможно прийти ни к какой другой системе мироздания. Это не так по вине человека. По вине человека Земля неправомерным образом перешла под патронаж Солнца. Системе

мироздания, дарованной, по древнему птолемеевскому учению, людям богами с Землей в центре мира, была противопоставлена такая, в центре которой находилось Солнце, а Земля вращалась вокруг него, то есть система мироздания Коперника.

Ученику доверялось знание о том, что в основе этого лежит некое глобальное заблуждение, возникшее по вине человека. И то, что ученик должен был начертать в глубинах своей души и вместить всем сердцем, обобщали так: теперь люди отвергли древнюю мировую систему и заменили её другой, даже не подозревая, что при правильном рассмотрении она предстает результатом собственной вины человека. И то, что является попросту выражением человеческой вины, откровением человеческого грехопадения, воспринимается теперь как истинное. Что же произошло в новейшее время? — спрашивал учитель своего ученика. Истинная наука пала из-за греховности человека, она превратилась в науку демонического. И вплоть до конца XVIII века, когда стало уже невозможным высказывать подобные воззрения, существовали еще немногочисленные ученики, которые черпали духовную пищу из этого душевного знания в какой-нибудь уединённой розенкрейцерской школе. К примеру даже великий философ Лейбниц *25, исходя из направления своих философских устремлений, испытывал потребность разыскать такое место обучения, где могло быть правильным образом сформулировано соотношение между системами мироздания Коперника и Птолемея. Но даже он не мог его найти.

Необходимо знать такие вещи, чтобы не упустить определённые тонкости, относящиеся к перевороту в воззрениях человека на себя и Вселенную, который произошел в последние столетия. С утратой живых взаимосвязей человека с самим собой, с отчуждением человека от себя самого пришла приверженность к внешнему рассудку, который в наше время господствует во всём. Вы спросите: является ли внешняя рассудочность врожденным человеческим свойством? Нет, это не так. Будь она человеческим свойством, она не могла бы столь поверхностным образом жить внутри человечества. Ведь рассудок, в сущности, совершенно не связан с отдельной личностью, с отдельным индивидом — рассудок ведь нечто вроде общественного договора. Он не проистекает из прирожденных свойств человека. Он подступает к человеку как нечто внешнее.

Можно ощутить, в какой степени рассудок сделался чем-то внешним, если логику Аристотеля, которую тот преподавал своим ученикам и в которой, по выражению Канта, с тех времён не произошло никаких изменений, сравнить с тем, что начиная с XVII века преподавалось под названием логики. Во времена Аристотеля логика была еще чем-то поистине человеческим. Ибо когда человека принуждали мыслить логически, у него еще возникало такое ощущение, как если бы (мне придётся снова прибегнуть к образному выражению) его голову окунули в холодную воду и на какое-то время он сделался чужим самому себе. Или же другое чувство — вроде испытанного Александром, которому Аристотель хотел преподавать логику: ты сжал мне весь череп. То есть логика у Аристотеля выступает как нечто внешнее. Но в XVII столетии это

внешнее стало восприниматься как внутренне, само собой разумеющееся. Изучают, как из большой и малой посылок выводится заключение. Изучают то, что иронически представлено в «Фаусте» Гёте: первым было то-то, вторым то-то, а потому третье и четвёртое таково, а если бы не было первого и второго, то не было бы третьего и четвёртого ***26**. И дух дрессировался не хуже, чем если бы его одевали в «испанский сапог». Тиски ли на черепе Александра или "испанский сапог" для ног — только символы того, что испытывает при этом человек.

Эту поверхностность абстрактного мышления перестали ощущать с тех пор, как сознательно изучают логику в школе. Теперь это в той или иной мере прекратилось. Логика тоже перестали сознательно преподавать в школах. Это похоже на то, как если бы люди по предписанию большими группами с энтузиазмом натягивали бы на себя одну и ту же униформу, а затем настало бы время, когда они стали делать то же самое без размышлений, просто по инерции. Но в эпоху, когда логика абстрактного берёт верх, древние духовные познания не могут больше развиваться. Вот почему эти познания становятся столь поверхностными и принимают формы, которые можно встретить, например, в книгах Элифаса Леви ***27** или в наследии Сен-Мартена ***28**. В этих публикациях содержатся всего лишь последние остатки древнего духовного познания и лицезрения духа.

Но что же содержится в сочинениях типа «Догмы и ритуалы высшей магии» Элифаса Леви? Там, к примеру, можно, прежде всего, обнаружить разного рода рисунки, треугольники, пентаграммы и так далее, а также определенные слова из мертвого древнееврейского языка. Там вы найдете то, что раньше было живым, а знания, которые могли бы сделаться достоянием человека, в частности, стать его идейным сокровищем, с одной стороны, лишены идейной основы, а с другой — трансформированы во внешнее колдовство. Там же вы найдете разного рода спекуляции относительно символического значения того или иного знака, причем современный человек, если он хочет оставаться честным, вынужден будет признать, что этот знак не содержит ничего особенного. Есть там и ужасающие процедуры, связанные с разного рода ритуалами, о духовных взаимосвязях которых говорящий, а подчас и практикующий эти ритуалы не имеет ни малейшего представления. Такого рода книги всем своим содержанием указывают на то, что некогда — в древние времена — было понятным, внутренне закономерно переживалось, но к тому времени, когда, к примеру, Элифас Леви писал свои книги, утратило смысл. И относительно Сен-Мартена я тоже имел случай высказаться в еженедельнике «Гётеанум» ***29**. В моей статье я указывал на полное непонимание нашими современниками того, что некогда было принадлежностью душевно-духовной жизни человека, но не могло быть ею удержано.

Всеобщая тяга к духовности, которой люди отдавались всей душой с XV и вплоть до XVIII—XIX столетий, была честной и искренней. В этом много прекрасного, величавого и возвышенного. Много из того, на что в наше время не обращают внимания, было пронизано подлинным, волшебным веянием духовного, зато весьма распространены ростки тупого непонимания древних спиритуальных истин, а с ними — и невозможность

на современный лад приблизиться к духовности. В XVIII веке еще встречались люди, которые говорили о грядущем искоренении всего человеческого и возвещали эру ужасающего материализма. Может показаться, что это предвосхищает и наше время. И, тем не менее, это не так, это не соответствует даже двум последним третям XIX века. Ибо уже в XIX веке сделалось общепринятым то, что в XVIII столетии еще встречалось с определенным отвращением по причине его демонического характера. Не хватило сил сказать себе: Коперник — это прекрасно, но ведь это — мировоззрение, возникшее из-за того, что человек не стал на Земле тем, что было ему предназначено, из-за того, что Земля лишилась своего хозяина и власть на ней перешла к неправомочному князю мира сего (это выражение постоянно встречается в Средние века) — и в этом причина того, что Христос покинул Солнце и разделил с нами земную судьбу.

Только в конце XIX века появилась возможность прозревать эти истины с изначальной, незамутненной ясностью. Такая возможность вновь открылась в эпоху Михаила ***30**. О начале и характере этой эпохи мы уже многократно говорили. Но после того, как во время Рождественского собрания и в последующие дни было рассказано о развитии духоведения в предшествующих столетиях, в этих лекциях может быть указано на задачи, связанные именно с эпохой Михаила.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 января 1924 года

Мы видели, как достигнутые через инстинктивное ясновидение древние знания человечества постепенно шли на убыль. В новое время — начиная с XVIII столетия — становилось чрезвычайно трудно каким-либо образом разыскать следы этого древнего познания; внешнее наблюдение природы, логика и формальная абстракция — вот все, что осталось и было вновь приобретено. Но ни чувственным, внешним наблюдением природы, ни пустыми логическими абстракциями невозможно проложить мосты к истинному порядку вещей. Хотя по традиции вплоть до новейшего времени — вплоть до середины XIX века — многое из древнего знания было удержано. И чтобы занять правильную душевную позицию, мне хотелось бы сегодня сообщить вам об определённых представлениях, которые сохранились до первой половины XIX века в качестве остатков древнего знания.

Я рассказываю вам об этом, чтобы вы поняли, что еще в относительно недавнем времени образ мышления людей был совершенно иным, чем сегодня. Но, как уже упоминалось, его очень трудно нащупать, ибо, хотя и имелись отдельные люди с таким образом мышления, жили они уединённо, или имели узкий круг учеников. Втайне они были действительными носителями древнего знания, но при этом сами не прозревали глубочайших его основ. В старые времена наверняка были такие люди, ибо не подлежит сомнению, что такие известные личности, как Фауст и Парацельс, в своих скитаниях наталкивались на таких уединённых, если можно так выразиться, духовных обитателей пещер и многому учились у них. То, что у этих личностей проявлялось преимущественно инстинктивным образом, эти двое развивали дальше при помощи своих внутренних способностей.

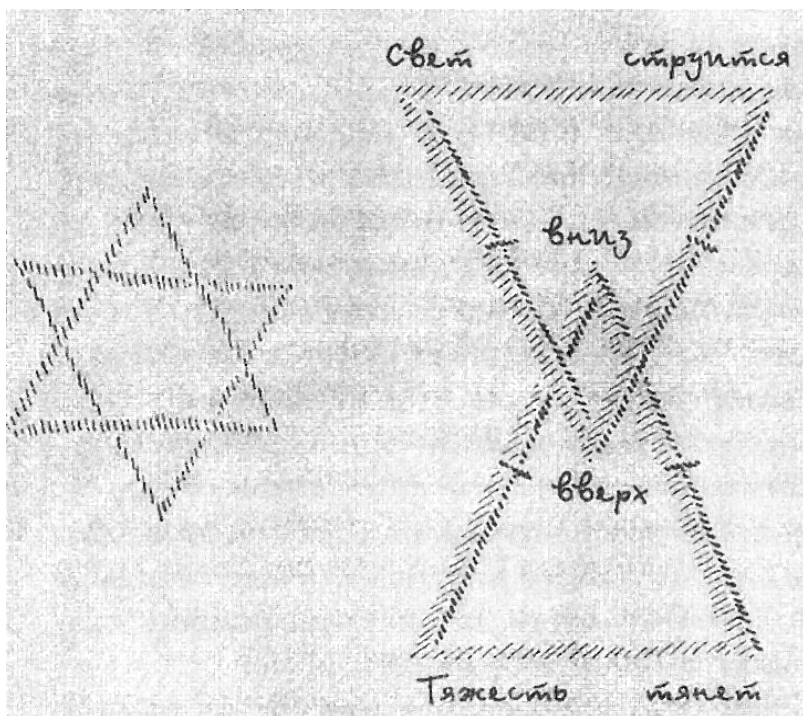
Хочу рассказать вам о том, какие знания еще хранились в первые десятилетия XIX века опять-таки в одной такой уединённой — если хотите, можно назвать её школой, — значит, в одной такой уединённой школе в Средней Европе. Там в очень узком кругу сохранялось весьма проникновенное учение о человеке. Мне стало об этом известно на одном из моих духовных путей весьма давно: в определенном месте Средней Европы имелась некая малая община знающих. Повторяю, это мне стало известно на духовных путях. Я в то время еще не мог делать наблюдения в физическом мире, ибо я тогда не был в физическом мире, но мне стало известно на духовных путях, что существует подобная маленькая община. Я не стал бы говорить о том, чему там учили, если бы впоследствии благодаря собственному духовнонаучному исследованию мне не удалось заново открыть то, что там скрывалось, если бы я сам, так сказать, не открыл бы эти вещи заново. Ибо именно благодаря такому собственному открытию человек впервые занимает правильную позицию по отношению к тому, что дошло из древних времен как превосходящая всякую меру истина. Традиция этой маленькой общины, о которой мне хотелось бы

поговорить, проходит через всю историю Средневековья вплоть до древности — до тех времён, которые я вам описывал во время Рождественского собрания, то есть до времён Аристотеля. Но эта традиция исходит не непосредственно из Греции, а из Азии — благодаря тому, что было принесено туда походами Александра Македонского *31.

Именно в этой маленькой общине можно было обнаружить наличие подробного и проникновенного учения о человеке, в частности, о двух человеческих способностях. Там можно было наблюдать, как происходит поистине мастерское обучение учеников, если можно так выразиться, учителями гайноведения на материале древних символов — символов, дошедших еще из прадревних мистерий и состоящих из определенных геометрических фигур, например, вроде такой (см. рис.), только по углам фигуры обычно пишутся определенные древнееврейские слова, но так, что непосредственно с этими символами ничего невозможно предпринять. И ученики этих Мастеров знали из их указаний, что приводимое, например, у Элифаса Леви — пустая болтовня на эту тему. Ибо в то время ученики еще могли на опыте убедиться, что истинное значение таких символов раскрывается только тогда, когда их находишь снова в существе собственного организма.

Таковым был именно тот символ, который играл огромную роль в этой общине. Вы получите этот символ, если нарисуете ключ Соломона (он обычно рисуется так) — вот это идёт книзу, а это — кверху (см. рис. справа). Как было сказано, именно этот символ играл важную роль в той маленькой общине еще и в XIX веке. И упомянутые Мастера предлагали членам своего маленького учебного круга принимать определённые позы, такие, которые позволяли этому символу некоторым образом вписаться в их тела, занять такую позицию, чтобы ноги были немного раздвинуты, а руки над головой были разведены так, что, если линию рук продолжить по направлению вниз, а линию ног — по направлению вверх, получались именно такие вот четыре линии (см. рис.: перечеркнутые линии). Вот эта линия затем связывает внизу ноги, а эта линия — связывает наверху руки. Эти две другие линии осознаются как реально существующие силовые

вро
пот
са
вы
эти
дру
уче
то,
фо
тя
уче
глу
оп

кончикам пальцев правой и аналогично от левой ноги к правой проходит что-то де электромагнитного ока. Гак что фактически м человеческий организм писывает в пространстве два поглощающих друг га треугольника. Затем ник учился воспринимать что Заложено в словесной рмуле: свет струится вверх, жесь тянет вниз. Это ник должен пережить в бокой медитации, сохраняя исанную позу. Благодаря

этому он постепенно приходит в такое состояние, когда учитель может ему сказать: сейчас и ты переживешь нечто, что фактически постоянно практиковалось в древних Мистериях. И они действительно проходили через это переживание — они переживали осознание сердцевины костей своих рук и ног до мозга костей, переживали внутреннее костной системы.

Понимаете, эти вещи можно прочувствовать, если вы увяжете то, что было сказано мной вчера, и то, о чем я говорю сейчас. Я говорил вам о том, что человек, если он на самом деле плывет по течению, как это стало принятым в ходе времени, если он приемлет только чисто абстрактное мышление, то он остаётся на поверхности, выхолащивает себя. И полной противоположностью этому является осознание внутренности костей.

Однако существует нечто, что может привести вас к пониманию этих вещей. Видите ли, как бы парадоксально это ни прозвучало, но я должен предупредить вас, что такая книга, как моя «Философия свободы» *32, не может быть понята исключительно при помощи логики, но в понимании должны быть задействованы все резервы человека. И в самом деле, то, что в «Философии свободы» говорится о мышлении, не может быть понята, если не знать, что человек переживает процесс мышления через внутреннее познание, внутреннее ощущение строения своих костей. Человек думает вовсе не с помощью мозга, а на самом деле думает при помощи костной системы — в том случае, конечно, когда мышление протекает в строго очерченных контурах. И когда мышление принимает те конкретные формы, как это имеет место в «Философии свободы», то оно как раз погружается в весь человеческий организм.

Ученики упомянутых Мастеров как раз и шли дальше — они учились ощущать внутреннее костей. И благодаря этому они одними из последних переживали то, что было во всём многообразии принято в древних мистериальных школах: искусство переживать символ, превращая в этот символ собственный организм, ибо только таким образом символ и может быть реально пережит. А толкование символов само по себе — бессмысленное занятие. Правильное отношение к символам, а в конечном счете и к мифам, легендам и сказкам, состоит в том, что их надо воспринимать не абстрактным образом, а идентифицироваться с ними. В любом человеке есть способность вживаться во все сказочные персонажи, отождествляться с ними. Так же обстоит дело с подлинными символами, произошедшими из духовных познаний древних времен. Слова, которые я написал здесь на доске на немецком языке (см. рис. на стр. 40), такого же рода.

Для нового времени, пожалуй, представляются уже неприемлемым, когда употребляется: я ставшее малопонятным древнееврейское слово, ибо с его помощью человек не может быть внутренне оживотворён, ибо тогда он не переживает символ, а идет по ложному пути. У него создается такое ощущение, словно ему ломают кости. И что-то подобное происходит — естественно, в духовном смысле, — когда всерьёз воспринимают книги вроде сочинений Элифаса Леви.

Итак, ученики учились переживать внутреннее своих костей. Но когда начинается такое внутреннее переживание, человек уже не находится внутри себя. В той же малой степени, в какой вы, держа

указательный палец сантиметрах в сорока от носа, можете расценивать этот предмет находящимся внутри себя, столь же мало внутри вас находится то, что вы переживаете как внутреннее своих костей. Вы погружаетесь внутрь, но при этом выходите наружу. Вы действительно выходите за свои пределы. Именно этому выходению за пределы самого себя, этому восхождению к богам, этому вхождению в духовный мир и учились ученики в уединенных маленьких школах. Таким образом, они изучали линии, которые были прочерчены богами в этом мире, когда они конституировали мир. Таким образом, они обретали путь к богам.

Учитель же подытоживал переживания учеников в таком парадоксальном тезисе — в тезисе, который, естественно, многим в наше время покажется смехотворным, но который содержит глубокую истину, когда она познана указанным путем:

Взирай на скелет,
И ты узришь Смерть.
Взирай во внутреннее костей,
И ты узришь Пробудителя.

Пробудителя человека в духе, Существо, которое приводит человека в связь с миром богов.

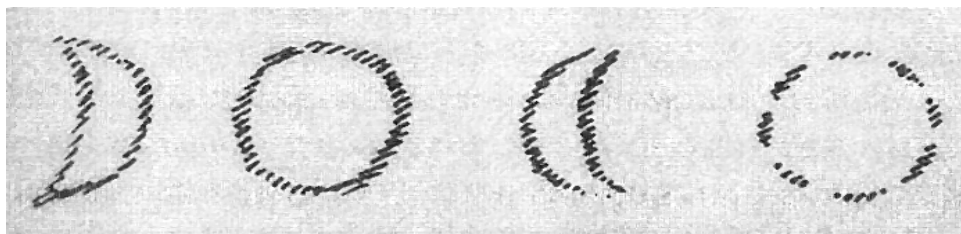
Конечно, в те времена на этом пути невозможно было достигнуть чрезвычайно многого, но кое-что достигалось. И ученики обретали фрагменты учения об эволюции Земли через различные метаморфозы. Как раз благодаря тому, что они могли переноситься в такого рода духовное бытие человека, им удавалось заглядывать в атлантические времена и даже во времена, им предшествовавшие. И многое из знаний о развитии Земли, что оставалось в те времена незафиксированным письменно, но передавалось устно, обязано тем прозрениям, которые возникали указанным путем. Таков был один вид учения, которое преподавалось в этой школе.

Другое не менее интересно. И это другое преподавалось, когда ученика практически приводили к прозрению о высшем положении человека по сравнению с животным миром. Можно сказать: то, что сегодня столь многообразно используется в служебных надобностях и очень ценится, было вплоть до XIX века известно тем, кто хранил добрые старые традиции. В наше время люди очень гордятся служебными собаками, которые в полицейской практике могут обнаружить след преступников и злоумышленников. В древние времена дело не доходило до такой утилитарности. Но, к примеру, об обонянии собак знали гораздо лучше, чем теперь, и для людей не было скрыто, что человек окружен тонкой субстанцией — более тонкой, чем сам он способен увидеть или обонять, то есть существовало понимание, что К нашему миру принадлежит и этот тонкий флюид. Его считали особой дифференциацией тепловых потоков, связанных, в свою очередь, с другими, электромагнитной природы, и нюх собаки связывали с этими тепловыми и электромагнитными потоками, и как раз в той маленькой школе, о которой я вам рассказываю, ученикам указывали на подобные особенности других животных и обращали их

внимание на всеобъемлющий характер этого тонкого флюида, пронизывающего весь мир в животном царстве. И при этом ученики понимали, что развивавшееся у человека на душевном уровне у животных приняло грубо материальное направление.

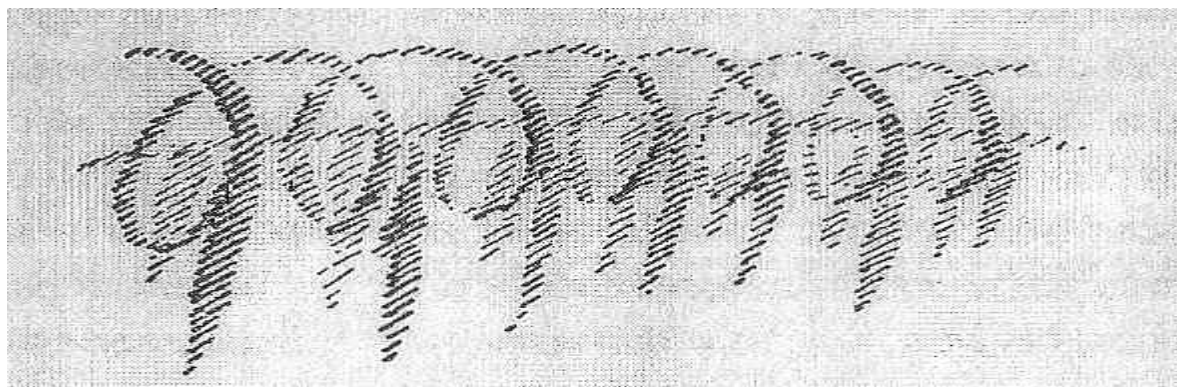
Видите, какой огромный интерес представляет то, чему учили в этой маленькой школе. Преподавание велось на основе внешних анатомических фактов, но под этим подразумевалось нечто глубоко духовное. Ученику говорили: пойми, человек — это микрокосмос. Он ими тирует в своем организме то, что происходит в мироздании. Человек рассматривался как микрокосмос, как миниатюрный мир, не только в том, что касается веществ, из которых он состоит, но и в отношении происходящих в нем процессов. И верно, многое из того, что присутствует в человеке пластическим образом, восходит к процессам внешнего мира. Много внимания уделялось при этом прохождению Луны через фазы — первая четверть, полнолуние, последняя четверть, новолуние, а также тому, что Луна таким образом проходит 28—30 метаморфоз.

ие Луной
— вот что
человек в
При этом

Прохожден
этих фаз
наблюдает
космосе.
можно

наблюдать движение Луны по её орбите. Можно увидеть, как Луна в своем движении описывает вихреобразную спираль, свою двадцативосьми-тридцатидневную круговерть, и тогда становится понятным, почему позвоночный столб человека состоит из 28—30 позвонков***33** и каким образом с указанным движением Луны и её силами связано то, что образуется как позвоночный столб человека в его эмбриональной стадии.

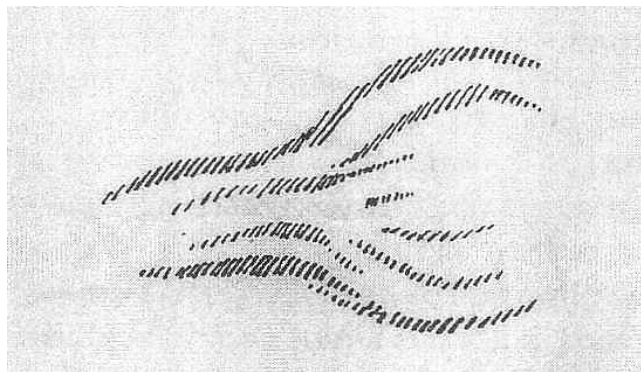

В строении человеческого позвоночника можно увидеть имитацию движения Луны в течение месяца, увидеть, что человеческий позвоночный столб имеет 28—30 нервов (см. рис. на стр. 105), которые расходятся по всему организму; можно увидеть в этих 28—30 нервных стволах отображение тех потоков, которые Луна направляет к Земле при прохождении различных отрезков своей орбиты. В костных отростках позвонка можно реально увидеть внедрение этих лунных потоков. Короче говоря, в том, что человек несет в нервных стволах позвоночника, со спинным мозгом включительно, можно увидеть нечто, связывающее человека с космосом, что приводит его с ним в живую связь. И указанную всеобщую взаимосвязь преподавали ученикам той маленькой школы.

Затем ученику говорили: обрати внимание, рассматривая зрительный нерв, что он, переходя от мозга к глазу, распадается на множество тончайших волокон. Сколько же существует таких волокон? Таких волокон, которые от зрительного нерва проникают в глаз, будет равным счетом столько же, сколько нервов отходит от позвоночного столба, то есть 28—30. Так что своего рода позвоночный столб исходит из мозга и проникает в глаз при помощи

зрительного нерва (см. рис. на стр. 106). Дело в том, говорил учитель ученикам, — что человек получил эту расчленённость на 30 частей позвоночно-нервную систему от богов, когда они формировали бытие человека в прадревные времена. Но сам человек сотворил отображение этого в своём глазе, созерцающем мир; человек сотворил в передней части своей головы отображение того, как боги сформировали его самого.

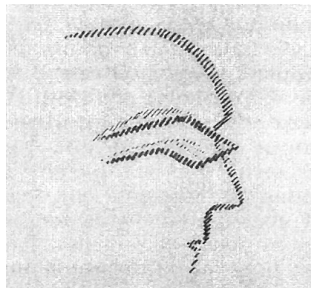

человек
этого в своём
чувственный
в передней
отображение
сформировали

Далее внимание учеников обращали на следующее: итак, структура позвоночника связана с Луной, однако из-за особого отношения Луны к Солнцу год делится на 12 месяцев, и от мозга человека отходят к разным частям организма 12 основных мозговых нервов. И в этой связи человек в силу организации его головы также является микрокосмосом, отражающим отношение Солнца к Луне. В структурах человеческого тела запечатлена имитация процессов, происходящих во внешнем космосе.

И опять-таки, внимание учеников обращали на то, что зрительный нерв, расчленённый на 30 частей, проходя из мозга человека в его глаз имитирует лунную структуру позвоночника. Из мозга исходят 12 нервов. Но опять-таки, когда исследуют те особые части мозга, из которых обонятельный нерв протягивается к носу, то обнаруживается, что там, в

маленьком фрагменте мозга, имитируется весь мозг целиком. Как глаз содержит имитацию нервной системы позвоночника, так же орган обоняния, в свою очередь, имитирует весь мозг целиком, когда обонятельный нерв, расчленённый на 12 частей, своими 12-ю стволами протягивается к носу. Таким образом, у человека — если его позвоночник и голова расположены так (см. рис.) — спереди расположен как бы маленький человечек.

Далее внимание учеников обращали на то, что в анатомическом отношении этот человечек едва намечен. Все срастается; и только тщательное анатомическое исследование может его обнаружить. Но несмотря на это срастание, человек этот всё же присутствует. Зато в астральном теле образуется нечто особое. Поскольку физически это едва намечено, в обычной жизни это невозможно обнаружить, хотя этому можно научиться искусственно. Точно так же, как ученику предлагали процесс переживания внутреннего своих костей, ему предлагали реально пережить осознание этих особых частей его организма.

Вы видите, что здесь выступает нечто гораздо более близкое западным воззрениям по сравнению с тем, что подчас перенимается с Востока. Ведь и на Востоке тоже концентрируются на корне носа, на точке между глаз. Так указывается место концентрации. Но на самом же деле это концентрация на том человечке, который находится там и может быть воспринят астральным образом. И когда он астральным образом воспринимается, когда медитация направлена так, чтобы в указанной области было воспринято нечто, это сродни процессу создания внутренним образом в этой области, как бы на эмбриональном уровне, маленького человечка. Такое указание ученик получал в описанной школе — побуждение к фактическому эмбриональному построению человечка при помощи сильной концентрации мыслей.

Благодаря этому ученики, наделённые соответствующими способностями, строили двухлепестковый цветок лотоса. Затем им говорили: животное на низшем уровне выстраивает всё это ради восприятия теплового, электромагнитного флюида. А человек встраивает заложенное здесь и грубым образом проявляющееся только в чувстве обоняния (хотя у него к этому примешивается и активность глаза) в астральное. Но благодаря этому вместо того, чтобы просто ощущать названный флюид, человек обретает способность вызывать постоянный взаимообмен с астральным и воспринимать с помощью двухлепесткового лотоса то, что непрерывно вписывает в астральный свет в течение всей своей жизни. Собака чует своим носом только то, что осталось, что присутствует в данном месте. А с человеком происходит другое, когда он приводит в движение свой двухлепестковый лотос; даже в том случае, когда он еще не может воспринимать с его помощью, он постоянно вписывает в астральный свет всё, что содержится в его мыслях. А обретение способности видения даёт ему только возможность воспринимать вписанное им самим, причем к этому восприятию

примешивается другое — а именно способность истинного различения добра и зла.

В таком вот виде фактически существовали остатки прадревнего сокровища мудрости, рудиментам которого еще продолжали учить. И это показывает нам, что именно было утрачено под воздействием материалистического учения, которое достигло своей кульминации в середине XIX века. Ибо описанное мной ощущали и знали — по крайней мере, до определенной степени — в этих весьма уединенных кругах, удалившихся от остального мира. И знания, почерпнутые из таких подоснов, проявлялись в самых разнообразных областях, хотя позднее эти знания более не принимались во внимание, а теперь снова привлекают многих. Но, к сожалению, при господствующих в наше время грубых методах исследования такого рода познания поначалу недостижимы для внешней науки.

И к тому, что преподавали учителя в таком маленьком кругу, добавляли вполне определенное учение. Ученику объясняли: когда он пользуется этим органом, который является как бы внедрённым в астральный свет органом обоняния, то он учится познавать истинную материальную основу всех вещей, подлинную материю. И когда он учится познавать внутреннее своей костной системы и благодаря этому подлинность истинной геометрии мира — то, каким образом боги запечатлели свои силы в структуре мира, — он учится познавать формообразующее начало в природном мире.

Если ты хочешь познать, допустим, кварц с точки зрения его материальности, говорили ученику, созерцай его с помощью двухлепесткового лотоса. А если ты хочешь проникнуть и форму кристалла — в то, что формирует материальное, — ты должен постигать эту форму исходя из осмоса, при помощи инструмента, который ты получаешь, когда живым образом проникаешь во внутреннее своей костной системы. Или же ученику объясняли: когда ты пользуешься органом, заключенным в голове, ты учишься познавать субстанциальную деятельность растения. Когда ты учишься познавать внутреннее своей костной системы, то учишься познавать, как растёт определенное растение, почему оно имеет ту или иную форму листьев, тот или иной порядок расположения листы, почему оно развивает тот или иной бутон.

Таким образом, всё, что представляет собой форму, должно восприниматься одним способом, а то, что представляет собой материю, — другим. И что любопытно: Аристотель различал (в последующие времена это сделалось совершенно абстрактным) во всём существующей форму и материю. Но именно в том духовном течении, которое пришло в Европу из Греции, учили совершенно абстрактным образом. Гак что абстрактность, с которой описывались эти вещи в книгах в период всего Средневековья, рождала сомнения, а что касается нового времени, то возникает не просто сомнение, а хочется прямо-таки на стену лезть от того, сколь абстрактно описаны эти вещи. Но когда возвращаешься к Аристотелю, обнаруживается, что он действительно возводил форму к этому переживанию (впоследствии это было опять-таки перенесено в Азию) и имел подлинное внутреннее проникновение в вещи, то есть в то, что можно

узреть с помощью этого органа в голове. И это он называл материей, лежащей в основе вещей.

Внутреннее исследование того, что преподавалось в Греции как философия — исследование на основе Хроники Акаша, — указывает на нечто такое, что я в своих «Загадках философии» мог, естественно, наметить только внешним образом, указывая, что, согласно Аристотелю, в человеке форма и материя вливаются друг в друга; материя — это форма, а форма — это материя. Вы можете найти это в моем описании Аристотеля в «Загадках философии».

Однако сам Аристотель учил совершенно иначе. Аристотель учил так: когда занимаешься минералами, то сначала воспринимаешь форму, благодаря переживанию внутреннего костей голени, а материю воспринимаешь органом головы. Обращаясь к процессам кристаллизации в минеральном царстве, человек разделяет форму и материю. Но когда обращаешься к растительному царству, то форма воспринимается через переживание внутреннего костей бедра, а материя опять-таки при помощи органа головы, при помощи двухлепесткового лотоса. Обе категории начинают сближаться. Обращаясь к животному царству, форму воспринимаешь через переживание внутреннего костей предплечья, а материю снова через орган головы — категории сильно сближены. Обращаясь же к самому человеку, переживаешь его форму через внутреннее плеча, которое на окольном пути, на пути речеобразования, связано с мозгом. Я часто об этом говорил, предваряя эвритмические представления ***34**. Таким образом, двухлепестковый лотос связан с тем, что из внутреннего костей плеча идет к мозгу. И именно в речи другого человека форму и содержание воспринимаешь уже не порознь, а речь предстаёт их единством.

Вы видите, насколько конкретным было это учение еще во времена Аристотеля. И отдельные следы его, как уже было сказано, сохранялись вплоть до XIX века. А затем появляется некая пропасть. В сороковые годы XIX века эти знания, в сущности, были утрачены. И так продолжалось до конца XIX столетия, когда с эпохой Михаила они снова могли быть обретенны. Но, преодолевая эту пропасть, человек преодолевает, собственно, некий порог. И у этого порога стоит Страж. Поначалу современное ему человечество не могло его разглядеть, проходя мимо него с 1842 по 1879 годы ***35**, хотя оно должно для своего же блага оглядываться и наблюдать этого Стража. Ибо если в последующие столетия плыть по течению без этого наблюдения, человечество придет к бедственному положению. Об этом мы поговорим завтра.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 13 января 1924 года

Эпоха Михаила, в которую мир вступил и последней трети XIX столетия и в которую люди должны всё больше погружаться своим сознанием, кардинально отличается от предыдущих эпох Михаила. Развитие человечества происходит так, что в человеческую жизнь и определенные периоды внедряется один из семи великих Архангелов, так что в различные периоды руководство циклически принимается Гавриилом, Уриилом, Рафаилом, Михаилом и так далее. Но современная эпоха Михаила существенно отличается от предыдущих. Это связано с тем, что, начиная с первой трети XV века, человек изменил свое отношение к духовному миру по сравнению с тем, как это было прежде. Эта особая позиция определяет, в свою очередь, отношение к человеческим судьбам того правящего духа, которого можно обозначить традиционным именем Михаил.

Сейчас я хотел бы вновь вернуться к розенкрейцерству. Как я уже говорил, многое, что известно под этим названием, является ничем иным, как шарлатанством. Но, как было сказано ранее *36, существовала индивидуальность, которую можно назвать именем Христиан Розенкрейц и которая при наступлении новейшей фазы развития человечества является знаковой в самом подходе просвещенного, познающего ума к духовному миру.

Можно сказать, Христиану Розенкрейцу было дано поставить самые разные и самые высокие, какие только можно помыслить, вопросы бытия, причем, поставить их совершенно по-новому по сравнению с тем, как это делали прежде. Ибо одновременно с появлением розенкрейцерства, а также того, что позднее стали называть «фаустовым порывом» обратить человеческий разум к духовному миру, выступила абстрактная и натуралистическая наука. И позиция носителей этого новейшего духовного направления — таких как Джордано Бруно, Коперник, Кеплер — по отношению к миру была иной (хотя все они, конечно же, заслуживают высочайшего признания), нежели у тех, кто стремился удержать не просто формально-абстрактное, но истинное познание вещей. Эти последние всем своим человеческим существом ощущали, насколько изменились времена, а вместе с ними — и отношение богов к человечеству.

Говоря ретроспективно, можно сказать, что вплоть до XII—XIII столетий рудиментарным образом, а вплоть до IV столетия совершенно отчетливо человек умел черпать реальное знание о духовном мире из себя самого. Человек мог, проделывая определенные упражнения, происходившие из древних Мистерий, в самом себе черпать тайны бытия. И для этого древнего человечества было вполне реальным, что сообщаемое посвященными извлекалось из глубин их душ, то есть мира идей на поверхность мышления. Они понимали, что их знания почерпнуты из

внутреннего мира человеческой души.

Упражнения были направлены на то, чтобы как можно сильнее потрясти человеческую душу, принести ей переживания, которые не свойственны повседневной жизни. Благодаря этому тайны мира богов как бы извлекались из внутреннего мира человека. Но человек не мог одновременно с этим созерцать тайны, извлекаемые из своего внутреннего мира. Хотя во времена древнего инстинктивного ясновидения человек и созерцал тайны мира — созерцал в имажинации, зримо слышал в инспирации и входил с ними в связь в интуиции, — это стало невозможным, когда он в некотором роде оказался предоставленным самому себе. Это созерцание так же невозможно, как нарисовать треугольник, если отсутствует доска. Треугольник, который я рисую на доске, только овеществляет тот, который я имею в себе духовным образом. Итак, сам треугольник, все закономерности треугольника, я ношу в себе, но чтобы нарисовать треугольник, мне нужна доска; благодаря этому я реализую то, что во мне находится. Но это чисто внешний процесс. И если я стремлюсь обрести реальное познание, опираясь на внутренний мир человека, как это было принято в древних Мистериях, мне необходимо это познание каким-то образом на чем-то зафиксировать. Чтобы узреть его, мне необходимо его каким-то образом запечатлеть в том, что издревле звалось астральным светом — в тонкой субстанции Акаша. В ней должно быть запечатлено всё. Но необходимо развить эту способность — вписывать познание в астральный свет.

В ходе развития человека эта способность претерпела многообразные изменения. Для начала оставим в стороне совсем древние времена. Я не стану рассматривать первую постатлантическую эпоху — праиндийскую, ибо тогда всё было по-другому. Мне хотелось бы начать с разговора о праперсидской эпохе в том смысле, как она описана в моем «Очерке тайноведения». Тогда существовало инстинктивное ясновидение, знание божественно-духовного мира, а также была возможность делать записи в астральном свете, так что люди могли в то же время созерцать их. Причиной тому было определенное противодействие, которое оказывала сама земля — твердая земля. Хотя запись, естественно, производится духовными органами, но и они нуждаются в противодействии материала. Ясно, что созерцаемое таким образом записывалось не на самой земле, а в астральном свете, но земля создавала необходимое противодействие. И благодаря тому, что противодействие земли ощущалось познающими праперсидской эпохи, их познания, почерпнутые из их внутреннего мира, становились доступными созерцанию.

В следующую, египетско-халдейскую эпоху знания, которые посвященные черпали из собственной души, могли быть записаны в астральном свете благодаря опоре на жидкий элемент. Надо только это правильно себе представить. Посвященные праперсидской эпохи взирали на твёрдую землю, и повсеместно, где произрастали растения, где находились камни, астральный свет отражал им их собственные воззрения. Посвященный египетско-халдейской эпохи взирал на море, взирал на реку, взирал на ниспадающий дождь и на восходящий туман. Он видел, взирая на реку, взирая на море, тайны длящегося. Тайны, относящиеся к

прошлому, к творению богов в минувшем, он созерцал в ниспадающем дожде, в восходящем тумане. Вы только не должны забывать, что древним не было свойственно то прозаическое восприятие дождя и тумана, как в современности. Древним дождь и туман говорили многое: они раскрывали им тайны богов.

В греко-латинский же период созерцание принимало форму воздушного миража. Грек так же видел своего Зевса, своих богов в астральном свете, но у него было чувство, что астральный свет отражает богов при определенных условиях. Он помещал своих богов в такое место, где воздух мог составлять определенное противодействие для вписывания в астральный свет. И так продолжалось вплоть до IV столетия от Рождества Христова.

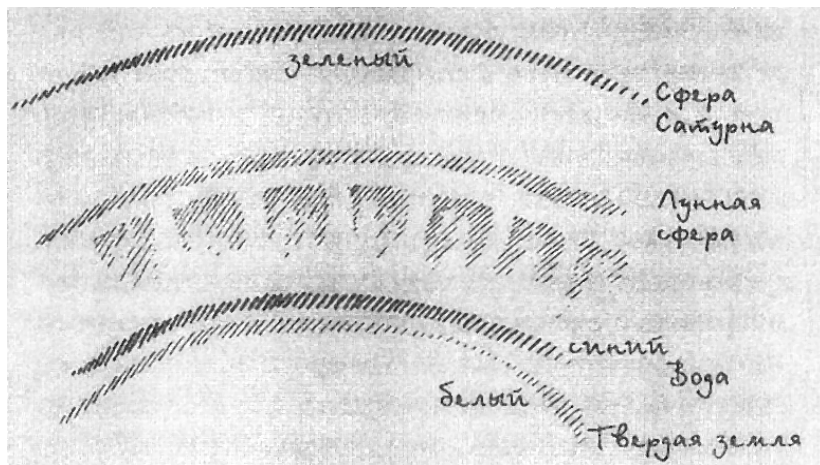
Среди первых отцов церкви, а именно греческих отцов церкви (это следует из их писаний), было много, имевших собственный опыт созерцания этих миражей в астральном свете благодаря противодействию воздуха, так что они ясно понимали, что природным образом изнутри человека открывается божественное Слово, открывается Логос. И отголоски этого опыта еще присутствовали у отдельных особо благодатных людей вплоть до XII—XIII столетий. Но с приходом абстрактного знания — с наступлением времени, когда человек стал опираться только на логический ход мыслей и чувственное наблюдение, — ни земля, ни вода, ни воздух более не составляют противодействия астральному свету. Его может дать исключительно элемент теплового эфира.

Естественно, тем, кто полностью погрузился в абстрактное мышление, было неведомо, что абстрактные мысли тоже записываются в астральном свете. Но в процессе записи противодействие им оказывает исключительно элемент теплового эфира.

Вот что происходит. Вспомним, что в праперсидскую эпоху для внесения записей в астральный свет в качестве противодейс

твия людям служила твердая земля. И то, что таким образом содержалось в астральном свете, когда твердая земля создавала противодействие, излучалось дальше (см. рис: белый), но только до лунной сферы. Далее оно не проходило. Оттуда оно возвращалось обратно, так что, можно сказать, оно оставалось при Земле. Люди созерцали тайны, отражённые Землей. Последние оставались при Земле, оттеснённые лунной сферой.

Обратимся теперь к египетско-халдейскому периоду: воды земли (см. рис.: синий) отражают; и то, что отражается, восходит вплоть до сферы Сатурна, которая оказывает давление на отражение, и благодаря этому у человека появляется возможность оставаться при Земле со своим

созерцанием.

Что касается греко-латинского периода, иными словами, вплоть до XII—XIII столетий, — в этот период созерцания записывались в астральном свете при помощи воздуха. Этот процесс достигает границ мировой сферы и затем возвращается обратно. Процесс происходит в самом летучем, в самом разреженном элементе, но при этом человек всё еще не отделён от созерцания. Посвященные этих периодов времени могли сказать себе в любой момент: полученное нами в качестве созерцания благодаря земле, воде и воздуху присутствует на Земле. Но когда настали новейшие времена, противодействие оказывал только элемент теплового эфира. Этот элемент уносит в мировые дали всё вписанное в него — выносит из пространства в духовные миры. Оно более не присутствует при Земле.

В наше время дело обстоит так: когда вы встречаете профессора-педанта, не лишённого идей (вообще-то ему положено иметь какие-то идеи, только в каждом отдельном случае надо провести специальное исследование, ибо такие профессора встречаются очень редко), то эти идеи, если они вообще существуют, должны быть занесены в астральный свет при помощи теплового эфира. Но тепловой эфир — это нечто летучее, нечто эфемерное. В нем всё взаимопроницаемо, всё уносится в мировые дали.

Такая личность, как Христиан Розенкрейц, по опыту знала, что посвященные древних времен были неотделимы от своих созерцаний, а также что созерцаемое ими они подкрепляли знанием о том, что существует созерцание, что оно отражается каким-то образом от небосвода — будь то лунная или планетарная сфера, будь то край Вселенной. А теперь отражение исчезло. Ничто не отражается для непосредственного бодрствующего созерцания. Обретают ли люди идеи, осваивая природу, возникает ли система Коперника, высказываются ли другие разнообразные идеи, — все они распыляются в мировом эфире, в мировых далах.

Затем Христиану Розенкрейцу удалось под эгидой одного из высочайших духов найти способ восприятия обратных отражений, хотя речь шла об отражениях в тепловом эфире. Это произошло благодаря тому, что он призвал на помощь другие состояния сознания — приглушенные, подобные сну, — при которых человек естественным образом пребывает вне своего тела. Тогда возникла возможность воспринимать то, что вписывается не в пространство, а в духовный мир, то, что возвещают о вещах современные абстрактные идеи. Что же касается розенкрейцерства, то с ним дело обстоит примечательным образом: розенкрейцеры, как бы находясь в некоей переходной стадии, знакомятся со всем тем, что может быть исследовано в природе в их время, причем всё это воспринимают и усваивают чисто по-человечески. Но они возводят до мудрости то, что другие приводят только к науке. Узнанное они сохраняют в душе и пытаются провести через сон в наибольшей чистоте при помощи сокровенного медитирования. И духовно-божественные миры (не край мира, а божественно-духовные миры) возвращают им на конкретном духовном языке то, что было воспринято ими как отвлеченные идеи.

В розенкрейцерских школах уже преподавалась система Коперника, но

её идеи возвращались в изменённых состояниях сознания именно так, как я об этом рассказывал в предыдущих лекциях. Так что именно розенкрейцеры предусмотрели, чтобы открытое наукой было предложено сначала богам, дабы те перевели это на свой язык и вернули обратно людям.

И чтобы это осуществилось, такое положение дел сохранилось до наших дней. Ведь дело обстоит так, мои дорогие друзья: если вы в наше время, будучи приверженцами подразумеваемого здесь розенкрейцерского принципа посвящения, изучаете Геккеля с его материалистическим уклоном, а сами практикуете те познавательные методы, которые описаны в книге «Как достигнуть познания высших миров?» *37, то почерпнутое вами о человеческих предках из «Антропогении» Геккеля *38 с её, возможно, отталкивающей манерой, вообще почерпнутое из внешнего естествознания, преподносится вами затем богам. И тогда в ответ вы получаете то, что рассказывается об эволюции в моей книге «Очерк тайноведения». Таково соотношение между слабым, бескрылым познанием, которое может обрести на земле человек при помощи своего физического тела, и тем, что боги могли бы даровать ученому с соответствующим направлением ума и с соответствующей подготовкой. Но сначала человек должен вознести к ним изученное на земле, ибо времена переменялись.

К этому надо добавить следующее. В наши времена человек, сколько бы он не напрягался, не может черпать из себя самого, как это делали древние посвященные, — это больше невозможно. Невозможно извлечь из души нечто тем же самым способом, как это делали древние посвященные. Всё, исходящее от спиритических медиумов, становится нечистым, всё пропитано инстинктами, как это имеет место в болезненных, патологических состояниях. Всё, что приходит исключительно из внутреннего мира, — всё это нечисто, ибо время, когда люди могли черпать из внутреннего мира, миновало. Оно миновало уже в XII—XIII столетиях, ибо происходившее тогда можно выразить приблизительно так.

Посвященные праперсидской эпохи многое вписали в астральный свет при помощи противодействия земли. До того, как выступили первые посвященные праперсидской эпохи, весь отведённый для человечества астральный свет был неисписанным листом. Как я и обещал, мы еще поговорим о праиндийской эпохе, а сегодня мне хотелось бы вернуться только к праперсидской эпохе. В то время вся природа, все элементы — твердый, жидкий, воздушный, тепловой — представляли собой как бы неисписанный лист. Затем посвященные праперсидской эпохи записали на этом листе столько, сколько позволяло противодействие земли. Поначалу в астральном свете записывались порученные людям тайны, исходящие от богов. Лист, таким образом, был до определенной степени исписан, но на нем оставалось еще чистое место. И запись продолжили посвященные египетско-халдейской эпохи, достигая своих созерцаний через противодействие элемента воды. Так была исписана другая часть листа.

Затем приходят греческие посвященные. Они исписывают третью часть листа. И вот уже весь природный лист исписан целиком. Он был целиком исписан уже в XIII—XIV столетиях. Начали вписывать в тепловой

эфир. Но он распыляется. Человек продолжал вписывать в тепловой эфир в течение определенного периода времени — вплоть до XIX века. Причем он не догадывался, что всё это присутствует также и в астральном свете и теперь настало время, когда люди должны понять: тайны мира могут быть найдены не внутри человека, по старинке, а благодаря душевной подготовке, позволяющей прочесть то, что уже имеется на целиком исписанном листе. Вот к чему должен готовиться человек в наше время: он должен дозреть до того, что черпает не из себя самого, как древние посвященные, а может прочесть записанное в астральном свете. И тогда воспринятое из теплового эфира действует инспирирующим образом. И тогда воспринятое из теплового эфира действует благодаря тому, что навстречу человеку выступают боги и совершенно реально несут ему то, что человек создал здесь, на Земле, возвращают ему то, что записано на листе благодаря воздуху, воде и земле.

Фактически в наше время естествознание становится основой для созерцания. Если благодаря естествознанию человек сначала познаёт качества воздушного, водного и земного элементов и обретает внутренние способности, то ему навстречу притекает астральный свет, когда человек взирает в воздушный, в водный и в земной элементы. Но он притекает не как неопределённый туман, а таким, что в нем можно прочесть тайны мирового бытия и человеческой жизни; что же мы тогда прочитываем?

В наше время мы как представители рода человеческого читаем то, что сами некогда вписали. Ибо что значит: древние греки, древние египтяне и халдеи, древние персы вписали это? Это значит: мы сами всё это и вписали в наших предыдущих земных жизнях.

Видите ли, ровно так же, как наша память — наша внутренняя память на обычные земные переживания — сохраняется в нас, так и астральный свет, который распространяется вокруг нас со всем тем, что мы вписали в него, представляет собой лист, на который мы сами записали определенные тайны. И одновременно нам надлежит прочесть написанное на этом листе, если мы снова хотим открыть эти тайны. Это своего рода эволюционная память, которой надлежит снова проявиться в человечестве. И постепенно должно возникнуть понимание того, что такая эволюционная память существует, что человечество должно уметь читать в астральном свете о своих предшествующих культурных эпохах так же, как мы в позднем возрасте прочитываем события нашей молодости при помощи обычной памяти. И поскольку человечество должно прийти к пониманию этого, те лекции, которые я прочитал на Рождественском собрании, я оформил так, чтобы из них вам стало ясно: дело действительно в том, чтобы нужные в наше время тайны извлекать из астрального света. Итак, древние посвященные в основном опирались на субъективное. Новое посвящение покоится на объективном. И это огромная разница. Ибо субъективное — это вписанные во внешний мир тайны, дарованные людям богами. Тайны, дарованные «телу ощущающему» человека, были явлены в праперсидскую эпоху. Дарованные богами «душе ощущающей» человека было явлено в египетско - халдейский период. Тайны, дарованные «душе рассудочной», или «душе характера» человека, были явлены в греческую эпоху. Но «душа сознательная», которую нам теперь надлежит развивать,

— она самостоятельна, она ничего больше не может почерпнуть из себя самой. Она противостоит тому, что уже наличествует. И мы как люди должны снова обрести в астральном свете нашу человеческую природу.

В том-то и состоит своеобразие розенкрейцерства, что оно при этом сохраняется как бы в переходной стадии — должно вступить в некое сновидческое состояние и как бы грезить о высшем аспекте того, что наука прозаически открывает здесь в природе. Но особенность того, что началось с эпохой Михаила, то есть с окончанием семидесятих годов XIX века, состоит в том, что достигавшееся описанным образом в , эпоху старого розенкрейцерства теперь должно достигаться сознательно. Теперь больше нет нужды в том изменённом, полусознательном состоянии, а требуется повышенное состояние сознания. И тогда человек уже не сможет приобретённое знание природы погрузить в высший мир, а, наоборот, оно само всплывает навстречу из высшего мира; когда заново прочитывается вписанное в астральном свете, оно всплывает навстречу в своей духовной реальности. И делая это, перенося в духовный мир достижения природопознания, а также творения натуралистического искусства, либо же религиозные ощущения, которые природным образом зарождаются во внутреннем мире души (ибо, в сущности, все религии теперь сделались естественными, натуралистическими), перенося всё это в духовный мир, люди встречают, если только имеют развитые к тому способности, Михаила. Так что можно сказать: розенкрейцерство отмечено тем, что его самые просветлённые умы томятся по встрече с Михаилом. До сих пор им это удавалось только как бы во сне. Но с окончанием последней трети XIX века они могут встречать дух Михаила сознательным образом.

Однако Михаил — весьма своеобразное существо. Михаил — это такое существо, которое не станет ничего открывать, если навстречу ему человек не принесет плоды трудолюбивой духовной работы на земле. Михаил — молчаливый дух. Михаил — замкнутый дух. Если другие Архангелы-правители отличаются многоречивостью (естественно, в духовном смысле), Михаил — исключительно замкнутый дух: он говорит мало, разве что, в лучшем случае, даёт устные директивы. Ибо самым впечатляющим в Михаиле является, если можно так выразиться, взор, сила его взгляда, а не слова. И это связано с тем, что Михаил преимущественно озабочен тем, что человек творит в духе. Он живет в следствиях человеческих деяний. Другие духи больше озабочены причинами деяний, а Михаил занят их следствиями. Другие духи вдохновляют человека на его дела. Михаил же — приверженец духовной героики свободы. Он даёт человеку свободу действий и принимает их следствия, дабы вознести их далее в космос, перенимая у человека недоступную тому эстафету космического действия.

От других существ из Иерархии Архангелов исходят побуждения к тому или иному действию; в той или иной степени эти побуждения приходят от них. Но Михаил — это тот дух, от которого поначалу не исходит никаких побуждений, тот период его господства, который теперь наступает, поистине показателен — всё исходит из человеческой свободы. Но когда человек действует исходя из своей свободы, когда, побуждаемый чтением в астральном свете, сознательно или бессознательно творит то

или иное, Михаил выносит в космос то, чем является земное деяние человека, — так оно становится деянием космическим. Он занят последствиями, тогда как другие духи — в основном причинами.

Михаил не просто замкнутый, молчаливый дух — когда человек встречается его, от него исходит отчетливое неприятие многого из того, чем современный человек живет на земле. К примеру, всякие спекуляции из жизни человека, животных или растений, связанные с наследственными качествами, с тем, что в физической природе подлежит наследованию, Михаилом однозначно отвергаются. Тем самым он хочет дать понять, что такое познание для духовного мира не плодотворно. Михаил допускает до себя только то, что может быть открыто в человеке, а также в животном и растительном мире, независимо от чисто наследственных качеств. И это сопровождается не просто многозначительным отклоняющим жестом, но сопровождающим взглядом, который гласит: это правомерно с точки зрения водительства космосом. Вот к чему надо всё больше устремляться: возводить тайны бытия к астральному свету, созерцать их, а затем представлять перед Михаилом, дабы получить благословляющий взгляд, возвещающий: это верно, это оправдано водительством мира.

К тому же Михаил строго отклоняет всё, что, к примеру, является разделяющим людей элементом многообразия человеческих языков. До тех пор, пока знание облечено в речевую форму, пока оно не доведено до невербального мышления, оно не может быть приближено к Михаилу. Это является причиной того, что и в наше время в духовном мире происходит многозначительная борьба. Ибо, с одной стороны, имеет место вхождение в человеческое развитие импульса Михаила — он присутствует; а с другой стороны, в развитии человечества есть много такого, что не желает принимать этот импульс Михаила, хочет избежать его, например, современные националистические волнения. Они пылали уже в XIX веке, но будут всё больше разгораться в XX-м. В последнее время очень многое не то чтобы строится — лучше сказать, выходит из строя — на основе национального принципа, действительно выходит из строя. Всё это в высшей степени противоречит принципу Михаила. Всё это пронизано ариманическими силами, противодействующими вхождению в земную жизнь людей импульса Михаила и его сил. И в наше время можно созерцать эту борьбу устремляющихся ввысь ариманических духов, желающих вознести проявления наследственного импульса национальности, которые Михаил строго отвергает.

На этом поле в наше время действительно идет полнокровная духовная борьба, ибо большая часть человечества уверена, что существуют не мысли, а то, что думают в словах ***39**. Но думать в словах не означает, найти дорогу к Михаилу. К Михаилу приходят только тогда, когда сквозь словесную ткань проникают к истинному внутреннему духовному переживанию, когда не зависят от слов, а приходят к истинному внутреннему духовному переживанию. В этом и состоит на самом деле тайна современного посвящения: поверх слов проникнуть к переживанию духа. Это не значит, что надо отрицать восприятие красоты речи. Ибо как раз тогда, когда преодолено вербальное мышление, человек и начинает ценить речь, которая в качестве элемента ощущения вливается в него и

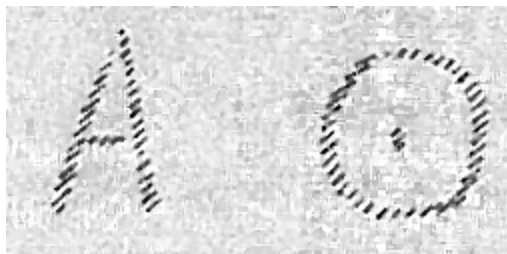
исходит от него наружу. Но всем этим современному человеку только предстоит овладеть.

Не исключено, что поначалу люди овладеют этим не на уровне речи, а при помощи письма. Ибо сейчас не люди владеют письмом, а письмо владеет людьми. В каком смысле письмо владеет ими? Это значит, что человек зажимает в своей руке определенную письменную принадлежность и выводит рукой буквы совершенно механически. Это сковывает человека. Он не скован, когда пишет так, как рисуют или как чертят знаки — когда каждая из букв, наряду с другими, представляется чем-то, что он как бы чертит:

Иными словами, возникает не то, что обычно зовётся рукописью, — формы букв словно вычерчиваются; таким образом, к буквам человек относится объективно, то есть акцентируется его созерцание.

В этом заключается причина того, почему (как бы парадоксально это сегодня ни выглядело) в определенных розенкрейцерских школах вплоть до 14—15-летнего возраста ученика воздерживались от обучения письму, так что та форма, тот механизм, который обусловлен письмом, не вступал в организм человека прежде, чем был выработан особый взгляд на форму букв; а затем, параллельно принятому в обиходе алфавиту, изучался другой — специфически розенкрейцерский, воспринимавшийся как тайный, о котором так и говорили, что это тайный шрифт. Но он был задуман не как тайный шрифт, а таким образом, что, например, изучая букву А, ученик одновременно изучал и другой знак: О, дабы не быть привязанным к одному знаку, а быть от него свободным. Так что звуку А соответствовало нечто более высокое, чем буква А — знак О, в противном случае форма буквы А идентифицировалась с крылатым по природе звуком А.

Вместе с розенкрейцерством многое проникло в народ. Ибо основное положение розенкрейцерства состояло в том, что из этих маленьких кружков, объединявших людей, последние растекались, как я уже говорил, по миру, практикуя по большей части врачебную деятельность, но и распространяя в широких кругах, в которые они были вхожи, определенные знания. А с этими знаниями распространялся определенный настрой, который встречается всюду, где имеется след розенкрейцерства. И этот настрой принимал подчас гротескные формы. Одна из них фактически выражалась в том, что к письму и возникшему тогда книгопечатанию относились как к чернокнижию, поскольку ничто в такой степени не препятствует чтению в астральном свете, как обычное письмо. Эта искусственная фиксация в высшей степени препятствует чтению в астральном свете. Это искусство письма сначала должно постоянно преодолеваться, если человек желает читать в астральном свете.

Как я уже упоминал, должно сойтись двоякое: в процессе духовного познания, в этом должен присутствовать весь человек со своей внутренней активностью. Я признавался вам, что у меня есть множество записных книжек, в которых я записываю и зарисовываю то, что мне приходит на ум. Обычно я больше к ним не обращаюсь. По причине того, что активность проявляет не только голова, но весь человек в целом, благодаря этому возникают познания, охватывающие всего человека. И тот, кто так поступает, постепенно приучается не возлагать слишком много надежд на физически зафиксированное, а принимать во внимание саму активность, дабы не повредить своей способности созерцать в астральном свете. Это достигается даже просто благодаря тому, что человек отстраняется при обычном письме, по возможности не слишком сковывает себя самим письмом, а либо по прихоти чертит что-нибудь на полях (ведь тогда это становится сродни рисованию, сродни искусству), либо же не обращает внимания на вышедшее из-под пера, не исправляет его. Только таким путём возможно не нанести вреда способности получать впечатления из астрального света.

Но если человек вынужден так относиться к письму, как это принято в наше время, то он наносит вред своему духовному продвижению. Вот почему в вальдорфской педагогике придаётся такое значение тому, чтобы ученик не так сильно преуспевал в правописании, как это принято в обычной педагогике: чтобы человек мог оставаться еще в сфере духовного. Ибо это необходимо.

Мир должен суметь снова прийти к тому, чтобы заложить принцип посвящения как такового в основание цивилизации. Ибо только благодаря этому станет возможным здесь, на Земле, собрать в своей душе нечто такое, с чем человек может предстать перед Михаилом и встретить его одобрительный взор: это космически оправдано. И тогда укрепится воля вписать человека в духовный мировой прогресс. Тогда человек сделается соучастником и сотрудником в том, что должно быть включено в развитие Земли и человечества с помощью Михаила в начавшейся теперь эпохе Михаила.

Если человек правильно хочет преодолеть бездну, о которой я вчера

говорил и у которой стоит Страж, ему с очень многим придётся считаться. О том, как в сороковые годы XIX века возникла эта бездна, как. под воздействием познания вроде того, которое предлагается сегодня, человек, заглядывая в эту бездну, должен относиться к этому Стражу, обо всем этом речь пойдёт в следующих лекциях *40.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод сделан по дорнахскому изданию 1991 года. Название цикла принадлежит Марии фон Штайнер.

С.10 (1) Полностью лекция от 1 января 1924 г. приводится в книге: *Штайнер Р.* Всемирная история в свете антропософии. (ПСС. Т. 233).

С.11 (2) В дальнейшем курс был расширен до шести лекций.

С.14 (3) *Аристотель* (384—322 до Р. Х.) — древнегреческий философ. Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все отрасли тогдашнего знания. Основоположник формальной логики. Создатель силлогистики.

С.14 (4) См.: *Аристотель* «О чувствах и чувственном», особенно 3 главу в *Parva naturalia*, а также «Естественнонаучные сочинения Гёте» с комментарием Р. Штайнера; ПСС. Т. 1 (в «Материалах к истории учения о цвете» дана подборка высказываний Аристотеля о цвете с замечаниями Р. Штайнера).

С.14 (5) *Ньютон Исаак* (1643—1727) — английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики, член (1672) и президент (с 1703) Лондонского королевского общества. Разработал (независимо от Г. Лейбница) дифференциальное и интегральное исчисления. Открыл дисперсию света, хроматическую аберрацию, исследовал интерференцию и дифракцию, развивал корпускулярную теорию света, высказал гипотезу, сочетавшую корпускулярные и волновые представления. Построил зеркальный телескоп. Сформулировал основные законы классической механики. Открыл закон всемирного тяготения, дал теорию движения небесных тел, создав основы небесной механики. Был директором Монетного двора, наладил монетное дело в Англии. Известный алхимик, Ньютон занимался хронологией древних царств. Теологические труды, большей частью не опубликованные, посвятил толкованию библейских пророчеств.

С.16 (6) *Альберт Великий* (Albertus Magnus) — Альберт фон Больштедт (ок. 1193—1280), немецкий философ и теолог, представитель схоластики, доминиканец. Начал перестройку и энциклопедическую систематизацию католического богословия на базе аристотелизма, которую завершил его ученик Фома Аквинский. Преподавал в Кёльне и Париже. См. также: *Штайнер Р.* Философия Фомы Аквинского (ПСС. Т. 74).

С.17 (7) *Гельмгольц* Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894) — немецкий ученый, автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии. Впервые (1847) математически обосновал закон сохранения энергии, показав его всеобщий характер. Разработал термодинамическую теорию химических процессов, ввел понятия свободной и связанной энергий. Автор основополагающих трудов по физиологии слуха и зрения. Обнаружил и измерил теплообразование в мышцах, изучил процесс сокращения мышц, измерил скорость распространения нервного импульса. Странник физиологического

идеализма. См.: *Штайнер Р.* Загадки философии (ПСС. Т. 18).

С.17 (8) *Сведберг* Теодор (1884—1971)— шведский физикохимик. Экспериментально подтвердил (1906) теорию броуновского движения А. Эйнштейна и М. Смолуховского. Создал (1919) метод ультрацентрифугирования и применил его (1925) для определения молекулярной массы белков. Лауреат Нобелевской премии по химии (1926). См. его книгу «Материя» (1912).

С.17 (9) *Василий Валентин* (XV в.) — алхимик, вероятно, монах-бенедиктинец. Под его именем (около 1600) вышел целый ряд алхимических сочинений. Первое полное собрание его сочинений в трёх томах появилось в Гамбурге в 1717 и в 1740 гг.

С.18 (10) *Таулер* Иоганн (1300—1361) — немецкий мистик, Доминиканец, проповедник, ученик И. Экхарта. Оказал влияние на деятелей немецкой Реформации. См.: *Штайнер Р.* Мистика на заре духовной жизни нового времени. Глава «Друзья Божии» (ПСС. Т. 7).

С.20 (11) «Пробуждение душ», картины вторая и десятая. См.: *Штайнер Р.* Драммы-Мистерии (ПСС. Т. 14).

С.21 (12) «Да, и — конкретно переживалось переплавленные способностей; лозунг моего старого времени («человек должен стать собственной творимой формой») стал мне конкретен, себя ощущал потрясаемый электрической силой познания, пронизавшего — кровь, дыхание, мускулы; и — изменялись ритмы дыхания, ритмы пульсации; все обычные мысли не производят на мыслящего впечатления электрических токов; а медитацией укрепленные мысли слагали в мозгу впечатление действенной силы, скопляемой шаровидною пустотой; в месте мозга — не ощущал мозга я: были пульсы себя изживающих, плоть пронизающих мыслей, голова мне казалась лейденской банкой, откуда мне в сердце и в руки влучались молнии; чувствовал сердце: оно получало удар электрической силы (от головы); распухало оно, точно шар; надувалось; и — выдувалось из тела, которое ощущал я теперь, точно в сфере раздутого сердца, переживаемого, как... эфирное колесо сил, вращаемых световыми лучами — в безмерность; два центра вращения оживало во мне; один центр возникал меж бровей; ось вращения другого я чувствовал — посередине груди; понимал: это лотосы (двух-лепестковый, которого центр — голова, и двенадцати-лепестковый, которого центр — наше сердце), иль органы восприятия астрального мира; в те миги все кости тела стремительно плавилась; не было тяжести тела: представьте себе, что утратили вы впечатление инерции, иль равновесия сил; и ощущаете тело вы линиями силовыми, раскручиваемыми в бесконечность: из центра сердца; неравновесие силовых, клокотавших фонтанов пугало меня; и пространственный очерк мой превращался мне в косточку огромного и сочного плода, мучительно вызревающего из вселенной; так я ощущал себя вовсе вне кожи: сплошным мировым великаном, которого голова упирается в купол неба, а ноги — выросли в центр земли; в середине же сердца у этого великана стоит человечек (пигмей) иль — обычное ощущение тела, обвеваемое ощущением необычного распростертого в космосе тела, пульсирующего себя сознающими ритмами, на которых я

должен сложить гармонический звучный аккорд. Вне сложения этого — переживал я испуг: О страшных песен сих не пой: Под нами хаос шевелится. Переживал расширение тела я так, будто в теле обычном, как в доме, открылись трещины, дыры, которыми просквозила мне бездна: Открылась бездна, звезд полна: Звездам числа нет, бездне дна».

Белый Андрей. Начало века («берлинская» редакция). — Цит. по *Белый А.* Собр. соч. Том «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности». М.: Республика, 2000. С. 659—660.)

С.21 (13) *Экхарт* Иоганн (Майстер Экхарт) (ок. 1260—1327) — представитель немецкой средневековой мистики, приближавшийся к пантеизму; доминиканец, проповедовал на немецком языке. В учении об абсолюте выделял безосновное божественное ничто («бездну») как основу Бога и всего бытия. В 1329 г. папской буллой многие тезисы Экхарта объявлены еретическими.

С.21 (14) *Таулер* Иоганн (ок. 1300—1361) — немецкий мыслитель-мистик, проповедник. Член доминиканского ордена, ученик Майстера *Экхарта*. Идеям немецкой средневековой мистики придал народный характер, уделял внимание жизненно-социальной проблематике.

С.22 (15) *Луллий Раймунд* (ок. 1235 — ок. 1315) — философ и теолог; основоположник и классик каталонской литературы, поэт-лирик. Францисканец, миссионер, проповедовал в Северной Африке. Автор около 300 сочинений, главным образом на каталонском и арабском языках. В сочинении «Великое искусство» (*Arts magna*) высказал идею логической машины и сделал попытку ее реализации. См.; *Штайнер Р.* Мистика на заре духовной жизни нового времени (ПСС. Т. 7).

С.15 (16) Средневековое религиозное сообщество. Его члены не желали быть монахами, а хотели вести благочестивую жизнь в миру.

С.15 (17) *Каменский Ян Амос* (1592—1670) — чешский мыслитель-гуманист, педагог, писатель, епископ Богемских братьев. Основатель дидактики. Впервые обосновал идею всеобщего обучения на родном языке, разработал единую школьную систему.

С.28 (18) *Раймунд из Сабунды* — схоласт из Барселоны; во второй четверти XV в. преподавал естествознание, философию и теологию в Тулузе; в работе, написанной в Страсбурге в 1496 г., пытался оправдать религиозное Откровение при помощи природоведения.

С.28 (19) *Пико делла Мирандола* Джованни (1463—1494)— итальянский мыслитель эпохи Возрождения, представитель раннего гуманизма. «900 тезисов по диалектике, морали, физике, математике для публичного обсуждения» (введение к ним — «Речь о достоинстве человека»), в которых он стремился к всеобщему «примирению философов», утверждая, что все религиозные и философские школы — частные проявления единой истины, смутили папу Иннокентия VIII не только смелостью рассуждений о магии, каббале, свободе воли и иных сомнительных предметах, выраженных новыми и необычными словами, но и юным возрастом философа, которому было тогда 23 года. Папская курия осудила «Тезисы». Под угрозой преследования со стороны инквизиции в

1488 г. Пико бежал во Францию, но там был схвачен и заточен в Венсенский замок. Его спасло заступничество высоких покровителей и прежде всего Лоренцо Медичи, фактического правителя Флоренции, где Пико и провел последние свои годы. В 1492 г. написал небольшой трактат «О сущем и едином» — самостоятельную часть программного труда, который имел целью согласовать учения Платона и Аристотеля, но так и не был осуществлен. Не был осуществлен и другой замысел Пико — обещанное «Поэтическое богословие». Незадолго до смерти он завершил «Рассуждения против прорицающей астрологии». Похоронен Пико в доминиканском монастыре Св. Марка, настоятелем которого был набожный аскет Джироламо Савонарола, много общавшийся с этим философом-гуманистом в конце его жизни. Философская антропология Пико обосновывает достоинства и свободу человека как полновластного творца собственного «Я». Вбирая в себя все, человек способен стать чем угодно, он всегда есть результат собственных усилий; сохраняя возможность нового выбора, он никогда не может быть исчерпан никакой формой своего наличного бытия в мире. Согласно Пико, мудрость Творца не связана никакими ограничениями и свободно перетекает из учения в учение, избирая для своей манифестации форму, соответствующую обстоятельствам. Разные мыслители, школы, традиции, обычно противопоставляемые как взаимоисключающие, оказываются у Пико взаимосвязанными и зависящими друг от друга, обнаруживая глубокое внутреннее родство, а весь универсум знаний строится на соответствиях, явных или скрытых, то есть исполненных сокровенного смысла, постичь который доступно посвященному.

С.29 (20) *Кант* Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; профессор Кёнигсбергского университета. В 1747 — 1755 гг. разработал космогоническую гипотезу происхождения Солнечной системы из первоначальной туманности («Всеобщая естественная история и теория неба», 1755). В 80-е гг. XVIII в. выступил против догматизма умозрительной метафизики и скептицизма с дуалистическим учением о непознаваемых «вещах в себе» (объективном источнике ощущений) и познаваемых явлениях, образующих сферу бесконечного возможного опыта («Критика чистого разума», 1781; «Критика практического разума», 1788; «Критика способности суждения», 1790). Условие дознания — общезначимые априорные формы, упорядочивающие хаос ощущений. Идеи Бога, свободы, бессмертия, недоказуемые теоретически, являются, однако, постулатами «практического разума», необходимой предпосылкой нравственности. Центральный принцип этики Канта, основанной на понятии долга — категорический императив. Учение Канта об антиномиях теоретического разума сыграло большую роль в развитии диалектики.

С.29 (21) *Дюбуа-Реймон* Эмиль Генрих (1818 — 1896) — немецкий (по происхождению швейцарец) физиолог, основатель научной школы; философ. Основоположник электрофизиологии; установил ряд закономерностей, характеризующих электрические явления в мышцах и нервах. Автор молекулярной теории биопотенциалов. Представитель механистического материализма. Здесь имеется в виду его труд «О границах познания», Лейпциг, 1872. Дюбуа-Реймону приписывают

изречение: «Этого мы не знаем и никогда не узнаем».

C.31 (22) *Неттесгеймский*, Генрих Корнелий (Агриппа) (1486 — 1535) — немецкий гуманист, врач, философ-неоплатоник, интерпретатор каббалы. В сочинении «Оккультная философия» изложил учение о магии, основанное на представлении о взаимосвязи всех вещей. См. также: *Штайнер Р.* Мистика на заре духовной жизни нового времени (ПСС. Т. 7).

C.33 (23) Вероятно, подразумевается библейская тринитарность рода человеческого — потомки Сима, Хама и Яфета.

C.34 (24) Цит. по: *Гёте В.* Фауст. — М.: Московский рабочий, 1982. С. 40.

C.35 (25) *Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646— 1716) — немецкий философ, математик, физик, языковед. С 1676 г. состоял на службе у ганноверских герцогов. Основатель и президент (с 1700 г.) Бранденбургского научного общества (позднее — Берлинской АН). По просьбе Петра I разработал проекты развития образования и государственного управления в России. Реальный мир, по Лейбницу, состоит из бесчисленных психических деятельных субстанций — монад, находящихся между собой в отношениях предустановленной гармонии («Монадология», 1714); существующий мир создан Богом как «наилучший из всех возможных миров» («Теодицея», 1710). В духе рационализма развил учение о прирожденной способности ума к познанию высших категорий бытия и всеобщих и необходимых истин логики и математики («Новые опыты о человеческом разуме», 1704). Предвосхитил принципы современной математической логики («Об искусстве комбинаторики», 1666). Один из создателей дифференциального и интегрального исчисления. См. также: *Штайнер Р.* Загадки философии (Г1СС. Т. 18).

C.35 (26)   За тьму оставшихся вопросов
                     Возьмётся вслед затем философ
                     И объяснит, непогрешим,
                     Как подобает докам тёртым,
                     Что было первым и вторым
                     И стало третьим и четвёртым.

                     I часть, сцена -Рабочая комната Фауста».

                     (Пит. ио: *Гёте В.* Фауст. М.: Московский рабочий,
                     1982. С. 82. Перев. Б. Пастернака)

C. 35 (27) *Элифас Леви* — аббат Альфонс-Луи Констан (1810—1975). Родился в Париже, в семье сапожника. Получил церковное образование, открывавшее ему путь к духовной карьере. Пробыв нескольких лет в послушниках, он стал дьяконом, преподавал в семинарии Пти-де-Пари и дал обет плотского воздержания, однако влюбился, вынужден был признаться в этом своему духовному начальству и в результате не был посвящен в более высокий сан. Мать, глубоко разочарованная поступком сына, покончила с собой. В 1839 г. Констан отправился в бенедиктинский монастырь в Солемне, известный своими строгими правилами, но его

решимости хватило ненадолго: он ушел из монастыря. Позднее в Париже увлекся теориями эксцентричного старика ио имени Ганно (известного также как Мапа), претендовавшего на роль пророка и перевоплощение французского короля Людовика XVII. Жена Ганно заявляла, что она является инкарнацией королевы Марии-Антуанетты. Знакомство с Мапа оказало сильное воздействие на Констана и послужило толчком к написанию первой книги «Библия Свободы» достаточно революционной по содержанию, за публикацию которой в 1841 г. он получил 8 месяцев тюрьмы. В тюрьме Луи Констан увлекся трудами Сведенборга, Луллия, Агригши, Постеля. В конце 1844 г. он объявил о своем окончательном разрыве с католицизмом, но, по всей видимости, так и не был отлучен от церкви. В течение жизни Луи Констан трижды попадал в тюрьму за публикацию статей на политические и религиозные темы.

Хотя уже в ранней юности Альфонс-Луи интересовался магией и оккультными науками, настоящую страсть к магии в нем пробудила встреча с польским оккультистом Дж. М. Хоем-Вронским (1776—1853), который верил, что ритуальная магия может привести человека к полубожественному состоянию.

В 1854 г. Луи Констан отправился в Англию, где познакомился с Бульвер-Литтоном. Они стали членами оккультной группы, изучали астральное видение, магию, астрологию и гипноз. Луи Констан провел вызывание духа Апполония Тианского. Тогда он взял себе магическое имя Элифас Леви Захед, которое является переводом на иврит имени Альфонс-Луи.

Основные труды: «Учение трансцендентальной магии» (1855), «Ритуал трансцендентальной магии» (1856), «История Магии» (1860), «Догма и ритуал высшей магии» (1861), «Ключ к Великим мистериям» (1861), «Легенды и символы» (1862).

В последние годы своей жизни Леви жил на гонорары от издания своих оккультных работ и материальную помощь многочисленных учеников. Умер он 31 мая 1875 г. от водянки.

Согласно Р. Штайнеру, склонность к магии Элифаса Леви обусловлена его инкарнацией в Мексике еще до завоевания ее европейцами. Это было время упадка мексиканских мистерий, когда все сводилось к колдовству и предрассудкам. Элифас Леви не имел промежуточной женской инкарнации и воплотился уже в XIX в. В период между смертью и рождением его индивидуальность многое приобрела от мудрости Юпитера. Такое сочетание привело к тому, что в его книгах над примитивными вещами разлит свет мудрости, а высокие истины соседствуют с опаснейшими заблуждениями. Поскольку учение преподносится в символах, оно, минуя рассудок, опасно воздействует непосредственно на астральное тело.

С.35 (28) *Сен-Мартен* Луи Клод де — французский философ-мистик. Родился 18 января 1748 г. в городе Амбуаз, в старой дворянской, военной семье.

Окончив коллеж, Сен-Мартен, повинаясь воле отца, поступил в школу права в Орлеане, хотя его и не привлекала адвокатская карьера. В

юношеских мечтах истинное служение человечеству облекалось в форму героя, поэта или философа. Уже в восемнадцать лет Сен-Мартен был знаком с работами всех модных философов своего времени: Монтескье, Вольтера и Руссо, однако отец настаивал на том, чтобы сын избрал карьеру юриста. Покорный воле родителя, Сен-Мартен окончил школу и получил место королевского адвоката. По истечении полугода службы он все же оставил ненавистное ему дело и в 23 года поступил офицером в полк Бордо; этот значительный период жизни Сен-Мартена продолжается с 1766 по 1775 г. Свободное от служебных обязанностей время Сен-Мартен посвящает изучению религиозных текстов. При содействии сослуживцев происходит встреча Сен-Мартена с весьма загадочной личностью — Мартинесом Паскуалисом, руководителем оккультного ордена, основывавшем подготовительные школы духовной науки в Париже, Бордо, Лионе и некоторых других городах Франции. В 1768 г. в Орден приняли и Сен-Мартена. По словам самого Сен-Мартена, именно Паскуалису он обязан своим причащением к высшим истинам: в Ордене практиковалось общение с незримыми сущностями посредством ритуалов церемониальной магии, носившим христианский характер: действенность их обеспечивали религиозные формулы, а наставления в точности походили на содержащиеся в евангельских текстах. И хотя Сен-Мартен считал, что обряды церемониальной магии лишь немногим менее отвратительны, чем прочие, он придерживался высокого мнения о незримых силах, сопутствующих теургическим операциям. Про себя он говорил, что ему недостает «таланта» в этой области, что он «...испытывал столь сильную тягу к сокровенному тайному пути», хотя этот внешний путь не привлекал его даже в юности, а в беседах с наставником он не раз восклицал: «Неужели без этого всего нельзя обрести Бога?!» Ученикам была дана возможность внешнего опыта, вспоминая о котором Сен-Мартен говорит, что он имел видения как во время своего пребывания в школе, так и потом, хотя и «...далеко не так много, как другие».

После отъезда Паскуалиса, Сен-Мартен вышел в отставку, в начале сентября 1773 г. отправился в Лион, где написал книгу «О заблуждениях и истине», отчасти в попытках убить время, а отчасти потому, что его охватило возмущение так называемыми философами, когда он прочел у Буланже, что истоки религии следует искать в ужасе перед природными катаклизмами. В 1775 г., скрывая свое имя под псевдонимом «Неизвестный философ», Сен-Мартен опубликовал свой первый труд, единственная цель которого — борьба с материалистической философией.

В 1782 г. вышла в свет вторая книга Сен-Мартена «Подлинная система соответствий между Богом, человеком и Вселенной». И если труд «О заблуждениях и истине» изобилует оговорками о вынужденных умолчаниях и производил впечатление некоего документа из Храма Мистерий, опубликованного с лакунами, в «Подлинной системе соответствий» никаких умолчаний нет, однако и эту книгу окутывает своеобразная атмосфера тайны. В книге утверждается, что внешний мир иллюзорен, внутренняя его сущность — Бог, Бог — его высочайшая мораль. Для падшего человека остается лишь один путь связи с Богом — через знаки и символы. Дабы устранить разделение человека и Бога, столь несовместное с блаженством, необходимо «...восстановить в себе тот же

закон, тот же порядок, ту же меру, которым повинуются все сущее в Природе». Это и есть Великое Делание. Этот труд должна принять на себя воля, изменившая свою направленность, ибо воля — «единственное средство, при помощи которого человек, как и любое свободное создание, может изгладить в себе и вокруг себя все следы заблуждений и прегрешений». Таким образом, восстановление и очищение воли — главная задача всех падших существ. Возрождению должно послужить то нее орудие, что стало причиной нашего падения: зло зародилось в человеке и его же волей будет искоренено.

После публикации «Подлинной системы соответствий» Сен-Мартен по большей части живет в Париже. В 1785 году он получает известие, что другой ученик Паскуалиса — Виллермоз — продолживший, в отличие от Сен-Мартена, путь учителя, после целого ряда неудач наконец добился «...феноменов исключительной важности» — восстановил контакт с сущностью, присутствовавшей на ритуалах Паскуалиса. Более того, эта сущность якобы материализовалась в Лионе и продиктовала некие наставления. Сен-Мартен возвратился в Лион, но, по всей видимости, испытал разочарование: феномены, представшие ему, — в чем бы они ни заключались, — охладили энтузиазм, с которым он предвкушал чудеса.

В январе 1787 г. Сен-Мартен посетил Англию, где жил в доме князя Голицына. В это время он написал свою третью книгу — «Человек желания». Сен-Мартен вернулся на собственный путь и с удвоенным рвением стал отстаивать свои прежние убеждения: каждая страница этой книги буквально пропитана жаждой души, алчущей Бога.

Далее следовали путешествия в Италию и Германию. В Страсбурге где Сен-Мартен пишет следующий свой трактат, один из наиболее глубоких по содержанию — «Новый человек», задача которого, по словам автора, «...заключается в том, чтобы описать, чего нам следует ожидать после возрождения». Сен-Мартен покинул Страсбург в 1791 г. и около года провел в Париже, где написал следующую книгу, озаглавленную «Се человек». Целью ее было «...предостеречь людей от чудес и пророчеств нашего времени» и показать «.. . всю меру уничижения»; оба трактата увидели свет в 1792 г., несмотря на разгул якобинского террора. Звезда Сен-Мартена разгоралась все ярче и ярче. «Человек желания» выдержал несколько изданий, а его автор, входящий в высшие круги страсбургского и парижского света, во дворец самой герцогини де Бурбон, проповедовал путь мистика в самой гуще революционных потрясений. В сентябре 1792 г. Сен-Мартен в связи с болезнью отца снова отправился в Амбуаз, где провел около года после его смерти, после чего возвратился в Париж.

Весной 1794 г. декрет против привилегированных классов, подлежащих проскрипции, вынудил Сен-Мартена вернуться в Амбуаз. В январе в связи с назначением на должность преподавателя Педагогической школы, учрежденной для подготовки учителей общественных школ, для него было сделано исключение, и он снова на время перебрался в столицу.

В 1800 г. в Париже вышел в свет новый труд Сен-Мартена «Дух вещей» в двух томах с эпиграфом, утверждавшим, что «человек есть зеркало всей совокупности вещей». По словам автора, труд этот охватывает всю

совокупность физических и научных, духовных и божественных предметов и представляет собой своего рода введение к сочинениям Якоба Бёме, над переводами которых — «Авроры», «Трех начал», «Сорока вопросов» и «О тройкой жизни человека» — мистик трудился в последние годы своей жизни. Его собственное последнее произведение — трактат «Служение духа человеческого» (1802)— в некоторых отношениях важнейший из всех его трудов.

Свободное от влияния каких бы то ни было систем и авторитетов, «Служение духа человеческого» содержит «намёки на бессмертие», рассуждения о смерти и вратах жизни, о пути, открывающемся при перерождении, о духовной жизни и общении в духе, о Субботе, коей должна достичь Природа, о Субботе души и Субботе Слова. Кроме того, в этом труде приводится учение о Вечном Слове (в том виде, какой оно приняло, преломившись через призму мышления великого французского мистика) и повествуется о его связи с человеком и Вселенной, а также о том, почему оно есть мера всех вещей и подлинное Слово Жизни — в противовес тому, что Сен-Мартен именует Словом Смерти.

В день своего шестидесятилетия Сен-Мартен Записывал в дневнике, что эта работа распахнула перед ним врата нового мира. «Мои духовные чаяния непрерывно возрастают. Я приближаюсь, благодарение Богу, к тем великим красотам, кои были явлены мне в далеком прошлом и увенчают собою все радости, коими я постоянно был окружен в своей земной жизни». Летом того же года он добавил запись о том, что получил предостережения о некоем враге и полагает, что тот сведет его в могилу точно так же, как в свое время погубил его отца.

13 октября 1803 г. в Олнее близ Ско, в доме одного из друзей Сен-Мартен скончался от апоплексического удара.

С.36 (29) См. статью Р. Штайнера «Духовное окружение Гёте и современность», включенную в сборник статей «Идея Гётеанума посреди культурного кризиса современности» (ПСС. Т. 36), а также лекцию в ПСС. Т. 175.

С.36 (30) Эпоха Архангела Михаила началась в 1879 г. До нее (1510—1879) была эпоха Гавриила (Луна). После нее, примерно с 2300 г., начнется эпоха Орифиила (Сатурн).

С. 37 (31) Согласно Р. Штайнеру (см., например, ПСС. Т. 233) походы Александра Македонского имели не столько завоевательную цель, сколько культуртрегерскую миссию — распространение учения Аристотеля.

С.38 (32) *Штайнер Р.* Философия свободы (ПСС. Т. 4).

С.40 (33) Немецкое слово “Wirbel” имеет два значения: 1) вихрь, круговорот, круговерть; 2) позвонок. — *Примеч. Пер.*

С.43 (34) См.: *Штайнер Р.* «Эвритмия — Откровение глаголющей души». Предварения к эвритмическим постановкам 1918—1924 г. (ПСС. Т. 277).

С.43 (35) Относительно этого периода времени ср.: *Штайнер Р.* «Низвержение духов тьмы», лекции, прочитанные с 14 по 28 октября 1917 г. в томе «Духовные подосновы внешнего мира» (ПСС. Т. 177, лекции с 9 по

14).

С.44 (36) Относительно происхождения и цели розенкрейцерского течения см.: *Штайнер Р.* «Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества» (ПСС. Т. 130); особенно лекции от 27 и 28 сентября 1911 г. и 18 декабря 1912 г.

С.47 (37) *Штайнер Р.* Как достигнуть познания высших миров (ПСС. Т. 10).

С.47 (38) *Геккель Эрнст* (1834—1919) — немецкий биолог-эволюционист, представитель естественнонаучного материализма, сторонник и пропагандист учения Ч. Дарвина. Автор известных книг «Общая морфология организмов» (т. 1—2, 1866), «Антропогенез, или История эволюции человека» (1874), «Мировые загадки» (1899) и др. Предложил первое «родословное древо» животного мира, теорию происхождения многоклеточных; сформулировал биогенетический закон.

С. 50 (39) Гёте И.В. «Фауст», часть I, сцена «Рабочая комната Фауста»:

Мефистофель:

Держитесь слов.

Студент:

Да, но словам

Ведь соответствуют понятия.

Мефистофель:

Зачем в них углубляться вам?

Совсем ненужное занятие.

Бессодержательную речь

Всегда легко в слова облечь.

Из голых слов, ярься и споря,

Возводят здания теорий.

Словами вера лишь жива.

Как можно отрицать слова?

(Цит. по: *Гёте И.В.* Фауст — М.: Московский рабочий, 1982. С. 84 — 85. Пер. Б. Пастернака) — *Примеч. пер.*

С.51 (40) См.: *Штайнер Р.* «Антропософия. Резюме за 25 год. И одновременно введение к её презентации перед миром» (ПСС. Т. 234). Перевод по изданию 1991 г. *Mysterienstätten des Mittelalters (Rosenkreuzertum und modernes Einweihungsprinzip)* из Собрания сочинений Р. Штайнера (*Gesamtausgabe, GA*), выпускаемого издательством *Rudolf Steiner Verlag* (Дорнах, Швейцария) под редакцией Управления наследием Р. Штайнера. В состав Управления также входит Архив Рудольфа Штайнера, продолжающий публикацию материалов за счет пожертвований. Информацию об Архиве и Международной ассоциации

Архивов Штайнера можно получить по адресу: Rudolf Steiner Archiv,
Postfach 135, CH-4143 Dornach, а также — <http://rudolf-steiner.com>.